

Платон Абсурдин

П И К К Е Ш

*история одного
туриста*

MMXX

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Платон Абсурдин

Писец. История одного туриста

«Автор»

2020

Абсурдин П.

Писец. История одного туриста / П. Абсурдин — «Автор», 2020

Замкнутый парень с многочисленными комплексами знакомится с девушкой. Это знакомство изменяет его жизнь, за которую теперь приходится всё время бороться. Содержит нецензурную брань.

© Абсурдин П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Платон Абсурдин

Писец. История одного туриста

Часть 1

00

Моё первое имя – Якоб Гроот, и я – турист. Правда, мой тур растянулся на целую жизнь. Да и не на одну, пожалуй.

Я хочу рассказать вам свою историю, и, хотя кому-то она может показаться невероятной, не стоит спешить с оценкой. Я не знаю кто и когда будет читать мою рукопись, но уверяю вас – все события, которые я положу на папирус, происходили на самом деле – даю руку на отсечение.

И пускай вас не смущают странные названия, слова, персонажи, или непривычная для вас обстановка – не торопитесь делать какие-либо выводы. Возможно, время, о котором я рассказываю, ещё не пришло. А оно обязательно придёт, поверьте, ибо я знаю об этом как никто другой.

Я не писатель – я лишь скромный рассказчик истории своей необычной жизни.

Возможно, мой рассказ превратится в повесть, или даже в пухлый роман, – в любом случае, если обстоятельства моего нынешнего положения позволят мне закончить свой опус и сохранить его для людей, я буду считать это величайшей удачей.

01

Молодой человек двадцати двух лет, высокий и тощий как пилум, сутулый, немногословный, замкнутый в себе красавец в круглых очках и с оспинами на щеках, которые остались на память о доброй юности, – это я. Точнее, таким я был в то время – сейчас я, конечно, выгляжу иначе.

Если кто-либо из старых знакомцев Якоба Гроота встретил бы меня теперь, то не узнал бы ни при каких условиях.

Но, к счастью, никто из них меня не встретит, потому что Якоб Гроот умрёт молодым.

А когда-то я с отличием закончил местный университет и работал в библиотеке своего родного города.

Я любил читать книги.

Да-да, я читал их, когда был на работе в своей библиотеке; когда обедал и завтракал; когда было свободное время и когда его не было; в сортире, как вы понимаете, я тоже читал. Не читал я лишь когда спал. Но спал ли я вообще? Честно сказать, я не помню. Ведь читать мне хотелось больше, чем спать! Такое тоже бывает, можете мне поверить.

По-своему, я был счастливым человеком – У меня не было задорных друзей, с которыми хочется скоротать вечерок бурными возлияниями и танцами до утра, у меня не было подружки, которую я мог бы пригласить домой, чтобы поговорить о поэзии, но у меня были мои книги и медная труба, на которой я играл время от времени, чтобы отдохнуть от чтения и позлить своего отчима.

Кстати, он был единственным тогда из всех людей на земле, кто освежал мою жизнь своим присутствием и не давал скучать. Гроот – это его фамилия.

Я должен был уехать из его дома, но почему-то не уехал – то ли духу не хватало, то ли денег, а может, ждал удобного случая – я уже не помню. Якоб Гроот не отличался завидной решительностью, скажу я вам.

Но я помню, как мы жили с отчимом под одной крышей, и я его любил с такой же силой, с какой невольник любит своего доброго хозяина, который каждый день потчует его палками

и не кормит жареными фазанами. Некоторые называют такое чувство ненавистью – возможно, они не так далеки от истины, как могли бы быть. А настоящая ненависть не забывается, знаете ли, как её ни покрути.

Мясник появился в нашей с матерью жизни, когда мне было лет семь от роду или восемь.

Помню, мы переехали в его дом жарким летним днём, и с того самого лета я стал обыкновенным счастливым ребёнком, потому что моя жизнь превратилась в ежедневный праздник.

Я любил отчима до смерти, и иначе как «мясником» не воспринимал – даже внешний вид красавца выдавал в нём творческого и интересного человека с ярким характером – большое наливное пузо, которое он придерживал своими руками, лоснящаяся лысина и добрые маленькие глазки, как у свиньи, которые всё время бегали и ни на миг не задерживали взгляда на чём-нибудь одном.

Я никогда к нему не обращался и не называл его по имени. Его имени я даже не знаю до сих пор. А если мне приходилось говорить о нём с матерью, то я предпочитал употреблять местоимение «Он». А может, даже «Оно» в знак особенного уважения.

Дома отчим покрикивал, слонялся без дела, пил всякую дрянь из красивых бутылок и снова покрикивал – на меня, на мать, на мух или любимую собаку – ему было всё равно на кого повисить свой неповторимый голос, который можно было спутать со скрипом флюгера на соседнем доме, или с визгом молочного поросёнка, которого решили-таки зажарить и съесть.

Мясник раздражал и пугал меня, но я терпел его весёлые выходки и молчал в тряпку – в буквальном смысле, потому что отчим любил затыкать всем домочадцам рты и пасти кляпами, чтобы они не мешали ему наслаждаться жизнью.

А что мне оставалось делать? Детям приходится терпеть всё хорошее – такая у них завидная обязанность.

Когда плешивый мясник накачивался спиртом до самого края, то переставал попадать своей мощной струёй в сортирное очко, отчего пол в уборной становился скользким, а едкий запах вызывал приступы тошноты. В глубине своей детской души я, конечно, восхищался отчимом, но при этом дышал через рот, мыл свои ноги и снова молчал в тряпку.

Моя мать вычищала сортир пару-тройку раз в день, а я любил её более всех на свете – она была единственным близким мне человеком.

От мясника я прятался в кладовке или убегал на улицу – в нашем городке было множество улиц. Но когда отчим, наконец, засыпал сладким и безупречным сном, – если, конечно, не считать его душевного храпа, которым мясник каждую ночь ласкал нам слух и который был слышен даже на чердаке, – мать звала меня в дом, чтобы я мог-таки выспаться.

Ещё он любил плевать на мою нежную детскую макушку. Я почему-то обижался, вытирал ядовитую слюну рукавом и бежал, но тут же получал ногой под зад и падал. От счастья и чрезмерного удовольствия я выпускал реки слёз, а весельчак смеялся и выдавал мне подзатыльники.

Как-то раз мясник, в привычном задорном угаре, лишил собачьей жизни свою же псину – он поднял её за задние лапы и вспорол мохнатое брюхо ножом. Утром потрошённую собачку он куда-то унёс – в свою мясную лавку, не иначе.

Я спрашивал мать, почему мы живём с таким замечательным и заботливым человеком. Она отвечала, что у отчима есть какие-то деньги, а у нас их почему-то нет. Она говорила, что не работает, потому что её не берут на работу, и что у нас с ней нет другого жилья.

«Ты же не хочешь жить в гетто вместе с добрыми переселенцами?» – спрашивала она меня, когда я донимал её своими глупыми вопросами. Я говорил ей, что хочу жить с добрыми переселенцами, но она в ответ целовала меня в лоб и запиралась в ванной комнате.

Когда я пошёл в школу, то в первый же день стал в ней изгоем, потому что стать кем-либо другим, скорее всего, не мог. И не из-за своего происхождения, как вы понимаете, а потому что я сам стремился к одиночеству и покою.

В то время, как мои сверстники играли и веселились, как все обычные дети, я удалялся в какое-нибудь укромное место и читал книги. Или учился играть на медной трубе, потому что желающих дудеть не было, а той школе нужен был собственный трубач. Этот чудесный навык потом пригодился мне в жизни, но при забавных обстоятельствах.

Учителя пытались оградить меня от школьных неприятностей и перевести на домашнее обучение, но я запротестовал, и даже объявил голодовку – о такой форме протеста я прочитал в одной умной книге.

После этого случая одноклассникам запретили меня обзывать и бить, но и на домашнее обучение не перевели.

Школу я, как правило, покидал последним, потому что домой идти не хотел.

Когда я подросток, мясник перестал мне плевать на макушку – он уже не мог этого делать из-за моего роста – в 12 лет я был выше него.

Бывало, правда, он плевал мне в тарелку, но лишь в случаях полного перехода в то чудесное состояние, когда пузатый красавец уже не мог связывать слова в дерзкие выражения и предпочитал им негромкое и дружелюбное мычание.

Но пинаться и ругаться отчим не прекращал с завидным упорством ещё долгое время – на радость мне и моей любимой матери.

А потом моя мать забеременела, но сделала это с такой внезапностью, что я тут же позабыл обо всём на свете.

Она не говорила мне о своём чудесном положении – я услышал, как мясник кричал, что не хочет ещё детей, и что ему «хватает твоего лупоглазого». «Лупоглазым», как вы, наверное, догадались, он называл меня. Мать умоляла его заткнуться, чтобы я не сделал ошибочных выводов из их беседы, но мясник её не слушал и продолжал голосить на всю округу о своих жизненных приоритетах.

Сейчас я думаю, что мать хотела родить ему ребёнка, чтобы отвлечь от меня или изменить вздорный характер мясника. Но, полагаю, что такие удивительные персонажи изменяются лишь в могиле, – разлагаются на мелкие части и, вероятно, от этого теряют весь свой задор.

В какой-то момент я заметил, что живот у матери округлился, словно она проглотила баскетбольный мяч. Я спросил её, что это может значить. Она ответила, что баскетбол ей никогда не нравился, а у меня будет брат или сестра.

Я не хотел, чтобы из матери, как из тубика, выдавили брата или сестру для меня, потому что в моём детском воображении рисовалось орущее, ругающееся и плюющееся маленькое, но изумительное существо, которое, при правильном откорме, будет расти и вырастет до размеров мясника. И, что самое замечательное, само станет со временем мясником!

Но моя мать не успела никого родить – она упала с лестницы, которая вела на второй этаж, ударилась головой о дубовый пол, и тут же скончалась.

Я остался один. Родственников у меня не было, и моим опекуном назначили мясника – он был уважаемым гражданином, не раз избирался в Городской Совет, и, вероятно, казался самой подходящей кандидатурой для ответственной должности. О его забавных повадках, кроме меня, разумеется, не знала ни одна живая душа.

Но я почему-то не сопротивлялся опекунству мясника – я снова смирился, как и тогда, когда мне было семь лет от роду.

После похорон матери мясник заставил меня работать в своей лавке.

Затем он перевёл меня на домашнее обучение и, по какой-то причине, перестал пинать.

Днём я работал в лавке, а по вечерам уходил из дома и читал книги в библиотеке или в городском парке.

Потом я смог-таки сдать экзамены, поступить в университет и стал даже получать небольшую стипендию.

Мясник перестал меня пинать, но забирал себе мои деньги, а после окончания университета – моё скромное библиотечное жалование. Он оставлял мне лишь пару-тройку монет на карманные расходы, но меня это устраивало, как это ни странно.

До позднего вечера я засиживался в библиотеке, потом покупал в дешёвой харчевне скудные булочки с вялыми сосисками, но почему-то без соуса, и счастливый плёлся домой.

Если свет в окне комнаты мясника не горел, то я поднимался к себе в комнату и ложился спать. Если же мясник бодрствовал – пил вонючую дрянёху и смотрел очередной матч по ящику, то я гулял до третьей автобусной остановки.

Эта весёлая, но короткая часть моей биографии закончилась самым неожиданным для меня образом.

Дальнейшие события, о которых я расскажу, без всяких сомнений, не только наполнили моё существование смыслом, но и позволили мне познать жизнь в её самых прекрасных проявлениях и встретиться с замечательными и добрыми людьми.

02

Всё началось с того, что в соседний дом заселился новый жилец – красивая американка – высокая блондинка с голубыми глазами – по таким сходят с ума.

Мы встретились у дверей – двери наших домов находились всего в паре-тройке шагов друг от друга и не встретиться мы не могли, даже если бы старались изо всех сил.

– Привет! Меня зовут Патриция, – сказала девушка по-английски.

– Якоб. Якоб Гроот, – прохрипел я в ответ и от смущения поправил очки.

Она засмеялась.

– Прекрасно, Якоб! Очень приятно!

Патриция протянула мне свою прелестную ручку – красивее руки я тогда не видел! Я протянул в ответ свою дрожащую граблю, обомлел и тут же влюбился по самые уши.

Это чувство овладело Якобом Гроотом в самой критической форме – я не находил себе места, как младенец, который не получил вовремя сиську, и потерял свой добрый сон.

Я не мог читать книги уже после первой встречи с Патрицией – брал книгу в руки, листал, но думал лишь о красивой соседке и ни о чём другом!

Вы не поверите, но у меня даже не получалось сыграть на трубе простейшую мелодию из пары-тройки нот!

А ещё у меня пропал аппетит, и я стал терять в весе, хотя до той поры это казалось невозможным по причине уже имевшейся врождённой и болезненной худобы.

Мы виделись с Патрицией если не каждый день, то через один.

Она была как всегда приветливой, я же с каждой нашей встречей становился угрюмее обычного.

Я не знал, что мне с этим делать – меня тянуло к девушке невидимой силой, но заговорить с Патрицией первым Якоб Гроот, по какой-то причине, не мог.

Прошла неделя или две, а может, три дня.

Одним чудесным утром я увидел из окна своей комнаты как Патриция о чём-то разговаривала с моим отчимом у дверей. Отчим, этот самодовольный весельчак, улыбался, размахивал руками и что-то рассказывал девушке. Она тоже улыбалась в ответ и делала вид, что с интересом слушает разговорчивого мясника.

Милая беседа затянулась, и я был уверен, что мясник пытается склеить Патрицию, но тем самым разбить своими старческими колоколами мою мечту.

Надо признать, что старым отчим не был – ему было около пятидесяти лет. Правда, это понимаешь лишь тогда, когда тебе самому уже за сорок.

В общем, моя любовь к Патриции, а заодно и к мяснику, становилась невыносимой и не давала расслабиться.

Два или три дня я не выходил из дома и не спал.

С мясником мы не общались, но я слышал, как он ходит по первому этажу и мычит – мне хотелось спуститься и прикоснуться к его плешивому черепу чем-нибудь увесистым.

Но я оставался у себя в комнате, и всякий раз цельный череп пузатого красавца оставался в неизменном виде.

Наступил момент, когда Якоб Гроот, наконец, решился пригласить Патрицию на свидание.

Я думал, что если я этого не сделаю, то свихнусь на радость мясорубу или повешусь в городском парке на потеху благодарной публике.

Я дождался, пока Патриция вышла из дома, догнал её и выпалил какую-то глупость – не помню какую. Помню лишь, как приветливая улыбка тут же сошла с её милого личика.

– Нет, – сказала она и погрозила мне своим пальчиком.

В моих ушах появился звон, и все мои члены тут же онемели.

Патриция, конечно, ушла, а я остался наедине с Якобом Гроотом, чтобы пережить позорный провал.

Пару-тройку дней я провёл лёжа на своей кровати, хотя она и не была самой удобной на свете – её купили, когда мне было семь лет от роду, она порядком износилась и уступала Якобу Грооту в длине, а новую кровать я себе позволить не мог. Или не хотел? Мне кажется, я об этом даже не думал.

Потом появился мясник с красивой бутылкой в левой руке и устроил скандал из-за того, что я, видите ли, не хожу на работу. Он орал так, что забрызгал своей ядовитой слюной мою скромную комнату, но, разумеется, Якоб не обиделся на вспылчивого человека.

Полагаю, мясник не выселял меня, потому что я отдавал ему своё библиотечное жалование. А может, ему нужен был кто-то, кому можно потеревить нервную систему, но не получить за это в приветливую харю? Я не знаю.

Я выдал ему всё, что было в карманах, и добрый мясник ушел, но не забыл хлопнуть дверью так, что мои любимые книги повалились с полок на пол.

Он продолжал каждый день пить дрянь и хлопать уставшими от него дверями. Но, честно сказать, мне было не до него – Патриция и её неожиданный ответ вкупе с пальчиковой угрозой – вот что занимало мои чудесные мысли.

Я не буду описывать те чувства, которые испытывал тогда Якоб Гроот – думаю, они понятны каждому разумному человеку и не нуждаются в шокирующих подробностях.

Кроме того, я вынужден излагать с краткостью, чтобы не расходовать дорогой папирус без особенной на то нужды.

Следующие дни выпали из моей памяти – я не помню, что я делал. Помню лишь, что кое-как Якоб Гроот смирился со своей неудачей и вернулся-таки на работу в библиотеку. С Патрицией он старался не встречаться, но...

Но как-то вечером, когда я возвращался домой, то увидел её в городе – она шла по главной улице, но не одна – её сопровождал молодой ещё человек лет тридцати.

Судя по его стилю в одежде и манере держаться, незнакомец был приезжим.

Парень шёл в паре-тройке метрах позади Патриции и курил сигареты одну за другой. Можно было подумать, что они с Патрицией не знакомы, а от курения мужчина с минуты на минуту отдаст концы.

Но чужестранец концы не отдавал, но и не отставал от моей соседки, а она время от времени оборачивалась и что-то ему говорила.

Я, как вы понимаете, решил проследить за ними, потому что иначе Якоб Гроот поступить не мог. Или-таки мог? Вероятнее всего, не хотел!

Мы прошли пару-тройку кварталов, и парочка остановилась.

Патриция кивком своей красивой головки указала спутнику на один из столиков уютного уличного кафе. Тот сел за стол и снова зачем-то закурил, как будто ни разу не слышал о вреде курения и не боялся сдохнуть от перенасыщения никотином и тяжёлыми смолами.

Патриция заняла соседний столик, а я спрятался в колбасном магазине и наблюдал за странной парочкой через витрину. Запах дорогих колбас отвлекал от наблюдения, но желание узнать правду о Патриции было сильнее всех запахов Вселенной!

К парню подошел молодой ещё и быстрый слуга, получил заказ и удалился.

Незнакомец затушил сигарету, дождался своего кофе с пышными булками и закрыл глаза. Патриция же делала вид, что читает меню, и что-то набирала в своём телефоне, но булок почему-то заказывать не стала. Я тогда подумал, что она таким чудесным способом следит за своей великолепной фигурой, как это делают многие незамужние женщины её возраста.

Слуга с подносом проходил мимо, когда иностранец качнулся и рухнул со стула на мостовую как тугий мешок, набитый финиками. Он задел-таки доброго слугу и тот выронил поднос с чашками. Патриция, как ни в чём не бывало, встала и пошла прочь, а я поспешил за ней.

К лежащему парню сбежались люди – он не шевелился, глаза его были открыты, и я подумал, что он-таки отдал концы. И вероятнее всего, от чрезмерного курения.

А одежда иностранца была испорчена жуткими кофейными пятнами и потеряла свой аккуратный вид.

Патриция вернулась домой, ну а я так и остался незамеченным в тот чудесный день, когда судьба Якоба Гроота перестала быть до боли предсказуемой и завела меня туда, где я и нахожусь по сей день.

Следующим утром я прочитал о внезапной смерти молодого иностранца в газете. Погибшим оказался уроженец Австралии.

Писали, что у него остановилось сердце по неизвестным для служителей местного морга причинам. Но я-то знал отчего испустил дух молодой ещё человек! Так мне казалось.

Кроме того, я полагал, что Патриция каким-то образом причастна к смерти интуриста. Мне захотелось узнать правду.

Я взял отпуск в библиотеке и каждое утро дежурил у своего окна – ждал Патрицию.

Но пару-тройку дней она не показывалась.

Я предположил, что она уехала и уже радовался чудесному шансу избавиться от навязчивых мыслей, которые были связаны с красивой девушкой.

Но как-то утром Патриция вышла в красивом модном и синем платье, и с небольшим рюкзаком за спиной. На улице она встретила моего мясника, но проигнорировала его – лишь кивнула в ответ на его примитивные комплименты.

Я мигом оделся и вылетел из дома, вскочил на старый байк, который подарил мне коллега по библиотеке, и поехал за Патрицией. Отчим крикнул мне вслед что-то обидное, но я, к счастью, не слышал его и не обиделся.

Патриция запрыгнула в красивый зелёный автобус и куда-то поехала.

А я ехал за тем автобусом через весь город, пока моя прекрасная соседка не вышла у городского парка.

В парке Патриция села на одинокую скамейку у вонючего пруда. Тот пруд был большим, но вода в нём зеленела со страшной скоростью и воняла тинной.

В парке уже гуляли мамы с колясками, дети играли в свои бодрые игры, а парочка бегунов в ярких трусах и майках нарезала неровные круги по извилистым дорожкам. Я спрятался за деревьями и наблюдал за Патрицией.

Она что-то набирала в своём телефоне, затем достала из рюкзака книгу и принялась её читать. Мне до сих пор нравится, когда девушки читают книги.

Потом в парке появился новый персонаж – пожилая женщина с палками для спортивной ходьбы. Она просеменила круг, затем села на скамейку рядом с Патрицией, и они перекинулись парой-тройкой фраз. Я не слышал о чём они говорили, и подумал, что это была обычная вежливая беседа о погоде, или о чём-то таком же незначительном.

Потом бабуля откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза. Патриция что-то сказала, набрала что-то в телефоне и продолжила своё чтение.

Через минуту-другую девушка закрыла свою книгу, встала и пошла вон из парка. Я не знал, что делать, – то ли следить за Патрицией, то ли за вздремнувшей старушкой. Я решил таки остаться с пожилой уже женщиной, потому что, после истории с обкурившимся до смерти австралийцем, опасался и за её жизнь – Якоб Гроот имел привычку переживать за жизнь незнакомых ему людей.

Патриция скрылась за деревьями, а старушка всё сидела в той же позе и с закрытыми глазами, и мне показалось, что на её лице появилась улыбка.

Она сидела так не более часа, пока солнце не завязло в тёмных облаках, и не пошел дождь.

Парк опустел за считанные секунды.

Я же надел капюшон и прикрылся ветками, но уезжать от старушки не торопился.

Дождь усилился и обратился в ливень, но бабка не шелохнулась. Я заподозрил неладное и подъехал к старушке.

Капли стекали по лицу женщины, но ей было всё равно – она улыбалась. А я взял и вызвал врачей.

Помню, что по дороге домой я думал о том, что, наверное, хорошо умирать с улыбкой на лице.

Дома я решил, что теперь я обязан поговорить с Патрицией и расставить, наконец, жирные точки над И. Ведь почившая бабуля под дождём и мёртвый иностранец в испачканной кофе одежде – лучший повод для откровенного разговора двух молодых ещё людей, не правда ли?

Влечение, которое называется влюблённостью для придания романтического привкуса, – сильная штука, скажу я вам. Порой, оно заставляет людей совершать необдуманные и нелепые поступки, которые могут изменить целую жизнь, а бывает, что они приводят к скорой смерти.

После двух или трёх дней борьбы с самим собой, вечером, я постучал-таки в дверь Патриции. Я, конечно, чувствовал страх, но дал себе твёрдое слово не отступить.

Патриция открыла с обычной для неё приветливой улыбкой, но моё сердце вырывалось из узкой библиотечарской груди.

– Я видел тебя в кафе и в парке, – сказал я.

Мне хотелось бежать, но я остался, потому что меня влекло к девушке всё сильнее и сильнее.

– Зайди в дом, – сказала Патриция.

Я переступил порог.

Девушка провела меня в комнату, усадила в кресло, а сама села напротив.

Комната была чистой и светлой. У камина лежала стопка книг, а на столе стоял переносной компьютер.

– Что ты видел? – спросила Патриция.

– Я видел тебя. И тех людей. Которых...

– Следил за мной? И чего же ты хочешь? Рассказать об этом полиции? Глупо! Эти люди умерли своей смертью.

Я молчал, потому что и сам толком не знал, чего хотел. Хотел с ней общаться – и всё тут!

Патриция встала и прошлась по комнате.

– Чем ты занимаешься? – спросила она.

– Работаю. В библиотеке.

– Я так и думала. Учился?

– Да, закончил университет год назад. Изучал филологию.

– Филолог? Сколько языков знаешь?

– Свободно говорю на трёх. Ну и читаю на нескольких. Ещё латынь, древнегреческий...

Патриция оживилась.

– Хочешь выпить? – спросила она.

Я ответил, что хочу. А разве я мог ответить иначе?

Патриция принесла бутылку красного вина, наполнила бокалы, и один протянула мне. Вообще-то я был равнодушным к алкоголю, но в тот день я готов был напиться.

– Я люблю вино, – сказала Патриция на латыни и сделала глоток.

Я был сражён наповал.

– Я тоже, – соврал я, но тоже на латыни.

В тот вечер мы не говорили по-английски. Мы переходили с латыни на древнегреческий, с древнегреческого на итальянский, и за разговором выпили пару-тройку бутылок доброго вина.

Оказалось, что Патриция тоже изучала языки в университете и запоем читала книги, как и я.

Домой я вернулся за полночь – я ещё прогулялся по улицам и полюбовался полнотелой луной, которая как будто поздравляла меня с успехом, потому что больше поздравить меня было некому.

Потом я ковырялся ключом в замке, пока, наконец, не вскрыл его, но и разбудил своим шумом спящего мясника. Отчим выскочил из своей комнаты в смешных трусах и с тем самым ножом, которым он предпочитал вскрывать собак – он думал, что в дом залезли воры.

Но мне было всё равно, и я проплыл в свою комнату с таким же достоинством, с каким ходит голландский флейт в Саргассовом море. Мясник так удивился моему новому состоянию, что не сказал ни слова, а лишь взглядом проводил меня наверх.

Я до сих пор с удовольствием вспоминаю о том вечере, который провёл с Патрицией, потому что тогда я был по-настоящему счастливым.

Следующим вечером мне позвонила Патриция и предложила встретиться с ней в кафе.

Когда я пришёл туда, девушка уже сидела за столиком и пила кофе.

Патриция была великолепной – короткое платье с глубоким разрезом и туфли на каблучках пробуждали мои дремлющие, но горячие желания, и я захотел мороженого.

– Кофе? – спросила Патриция.

– Вина. И мороженого.

Патриция заказала бокал вина и мороженое. Я выпил половину бокала одним глотком и смотрел на девушку.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она.

Я промолчал, потому что проглотил язык.

– Якоб, у меня есть предложение, – сказала Патриция.

Я был готов на всё.

– Докажи, что достоин меня.

Я кивнул.

– Будет не просто. Даже опасно. Ты готов?

– Я готов! – сказал я и допил вино.

– Прекрасно. Только дай мне слово, что всё, что ты узнаешь, останется между нами.

Я дал слово.

В тот вечер жизнь Якоба Гроота закончилась. Жалею ли я об этом? Нет, не жалею.

03

Я получил расчёт в библиотеке и через два дня высадился в Хитроу. По-моему, так тогда именовался аэродром британской столицы.

Меня встретил строгий человек в таком же строгом костюме, который заметил меня в толпе и жестом пригласил следовать за ним.

У выхода нас ждал красивый чёрный лимузин. Строгий человек открыл заднюю дверь повозки и так же жестом предложил мне сесть.

Мой провожатый закрыл за мной дверь, сел за руль, и мы поехали.

С таким почётом меня ещё не встречали, но мне это нравилось, знаете ли.

Прошло не менее часа, прежде чем повозка остановилась и водитель открыл мне дверь.

Я вышел из повозки и увидел, что стою перед входом в огромный дом. Это был даже не дом, а, скорее, дворец, или замок. Он был построен из белого камня, имел три высоких этажа, а по бокам его украшали две башни со средневековыми грифонами. Белый замок был окружён парком с аллеями во французском стиле.

Я подошёл к массивной входной двери, и она открылась.

– Проходите на второй этаж, – сказал голос из двери.

Я прошёл внутрь замка. В холле было много зеркал, а наверх вела большая мраморная лестница, покрытая дорогими коврами.

Я поднялся на второй этаж, как мне и предложили.

Там, в зале, размером с королевскую конюшню, висели, стояли, лежали старинные вещи разных исторических эпох. Картины, гобелены, ружья, мечи, скульптуры с саблями создавали приятную музейную атмосферу и радовали глаз. Я остановился, потому что хотел рассмотреть чудесные экспонаты.

– Прямо и направо, – сказал откуда-то тот же голос.

Я вошёл в большую комнату с огромными окнами. Резная люстра из тёмного дерева занимала половину комнатного пространства. Я отметил для себя, что хозяин дома должен обладать незаурядным вкусом и чрезмерной тягой к искусству.

Потом я порадовался шкафам с тысячами книг, которые стояли по периметру комнаты – это была привычная для меня обстановка.

В дальнем конце комнаты за столом с письменными принадлежностями сидел человек.

Я подошёл к нему и разглядел со вкусом одетого уже пожилого, но ещё бодрого джентльмена. Он курил сигару, и я заметил, что, для его возраста, у него были слишком густые чёрные волосы без седины – мужчина был в парике.

Незнакомец как будто почувствовал моё удивление и поправил свой чёрный парик – лёгким движением он дотронулся до него своей рукой.

Затем он встал и подошёл вплотную ко мне. Я почувствовал волнение, когда наше крепкое рукопожатие затянулось.

– Я – профессор Каннингем, – сказал он, наконец, приятным голосом, и жестом пригласил меня сесть в кресло. – Можете расслабиться. Здесь Вам ничего не угрожает.

Я подчинился, а профессор сел в кресло напротив.

– Курите, мистер Гроот, – сказал он и кивнул в сторону сигар, которые лежали на столике в аккуратной дорогой коробке из африканского дерева.

Я сказал, что не курю – не обманул пожилого уже человека.

– Тогда перейдём к делу. Полагаю, раз Вы приехали сюда, то готовы на риск. Вы хорошо понимаете английский?

Я кивнул.

– Это важно. Наше дело не терпит недопонимания, даже в мелочах. Прежде, чем я расскажу Вам о сути нашего дела, попрошу ознакомиться с этим документом и поставить свою подпись.

Старичок взял со столика лист бумаги, ручку, и передал их мне.

– Прочитайте и распишитесь.

Я прочитал документ – это была расписка о неразглашении какой-то информации. Нарушение обязательства влекло за собой принятие «адекватных мер для сохранения секретных сведений в тайне». Какие меры считались адекватными – в документе не указывалось.

Расписка ещё сильнее поколебала мою уверенность в себе и Каннингем заметил мои колебания.

– Молодой человек, даже если наше с Вами сотрудничество не состоится, Вам не нужно болтать о том, что узнаете. По-моему, это не сложно. В случае невыполнения Вами обязательства, никто не станет совать Вам в спину нож или душить в безлюдном месте. Это грубо и скучно. Я учёный, а не гангстер. Есть более современные и эффективные способы улаживания конфликтов, основанные на научных знаниях. Уверен, что в случае с Вами ничего такого не потребуется, но всё же лучше до этого не доводить! Ставьте подпись и продолжим.

Я вписал своё имя.

– Отлично!

Профессор убрал бумагу и затушил сигару.

– Выпьете? Бартон, принесите нам коньяк!

– Я не пью.

– Бросьте. Это лучший коньяк в мире! Достался мне из хранилищ месье Наполеона. Мы сегодня начинаем дело, которое, мистер Гроот, перевернёт Вашу жизнь. Разве это событие не стоит того, чтобы быть отмеченным глотком изумительного коньяка? Не расстраивайте меня, мистер Гроот, не нужно.

Огненно рыжий дворецкий принёс коньяк, и я его выпил – добрый профессор не соврал – коньяк и вправду был изумительным.

– Патриция мне рассказала о Вас. Что Вы хорошо владеете несколькими языками и мечтаете о приключениях.

– Патриция сказала правду.

– Вы хорошо говорите по-английски. Почти без акцента. Где Вы родились?

– В Европе. Мать назвала меня Якобом, потому что считала, что так легче будет устроиться.

Каннингем задумался, но после паузы продолжил.

– Мистер Гроот, Вы что-нибудь понимаете в физике? Теория относительности? Квантовая механика?

– Законы Ньютона... Почти все... В пределах школьного курса, – ответил я. – Но, честно говоря, я физикой не интересуюсь.

– Я так и думал. А что, если я скажу Вам, что путешествия во времени реальны?

Я насторожился, а профессор встал и принялся ходить по комнате.

– Я не буду забивать Вам голову гравитацией, чёрными дырами и прочими вещами, которые Вам не нужны. Попытаюсь объяснить как можно проще: в микромире, квантовом мире, мире мельчайших частиц, там, где действуют совсем иные законы, нежели в мире, который мы видим, я нашёл так называемые «кротовые норы» или «червоточины» – как Вам угодно, которые могут использоваться для перемещения во времени.

– Кротовые норы?

– Да. «Кротовая нора» – это всего лишь пространственно-временной туннель. До сих пор в науке их существование допускалось, но не было доказано. Если мы говорим о микромире, то, как Вы понимаете, человек, или даже бактерия, вирус, не может воспользоваться таким туннелем из-за слишком малого размера такой дырки. Речь идет о сверхмалых величинах. Сверхмалых! Вы понимаете?

Я кивнул.

– Но что же может протиснуться в такую мелкую дверь? Из чего состоит всё во Вселенной?

– Я не знаю.

– Из материи? Но из чего состоит материя? Стоит ли разделять так называемую объективную реальность, то есть материю, с реальностью субъективной, то есть сознанием? Я пришёл к выводу, что такое разделение, мягко говоря, некорректно. Можно считать, что Вселенная состоит из материи, но можно считать, что она же состоит из сознания. И то, и другое – верно! В нашем случае одно не исключает другого!

Я слушал профессора с интересом, хотя и не понимал.

– Сознание, мысль, наш разум, как часть Вселенной, – вот что способно проникнуть куда угодно, потому что иначе и быть не может!

Каннингем остановился и посмотрел на меня.

– Вы что-нибудь поняли? – спросил он и тут же продолжил. – От Вас не требуется глубокого понимания вопроса. Примите это как данность. Далее... Я обнаружил, что эти туннели, а я называю их просто «дырками», расположены в определённых местах. Они неизменны. Вероятность их существования в какой-либо точке пространства-времени можно рассчитать. Я уже нашёл несколько десятков дырок в Европе и Америке.

– Америке?

– Да. И если мои расчёты верны, то их тысячи, если не миллионы. Пока что получается проникать только в прошлое. С будущим есть некоторые проблемы технического характера, но это...

Профессор задумался. То, о чём он говорил, всё ещё не укладывалось в моей юной голове.

– Энергия, мой друг, – сказал Каннингем. – Вот что нам необходимо. Мы увеличиваем энергию и тем самым как бы проталкиваем сознание человека сквозь дырку. Они думают, что нужна какая-то мощная энергия. Дети! Нужно знать какую энергию брать и как её подавать. Вот и всё! А затем нужно оказаться в правильном месте и в правильное время. Мы увеличиваем энергию на субатомном уровне, и... Ну и ещё кое-что. Есть карта, где отмечены все обнаруженные дырки, и я рассчитал фазы их активности. Так что...

– Вы хотите, чтобы я оказался в правильном месте в нужное время? – спросил я.

– Конечно! А ради чего, по-Вашему, мы здесь сидим, а я битый час докладываю Вам об открытиях, которые, заметьте, не для всех открыты? Можете считать себя избранным! Вы избраны на роль туриста! Туриста в давно ушедшие времена! Как Вам?

– Я...

– Вы, насколько мне известно, великолепно образованы, начитаны, знаете разные языки, а это очень важно! Вы имеете неплохие шансы на возвращение обратно. Будьте смелее!

Смелее быть никак не получалось.

– Я не могу отказаться?

– Можете, – сказал Каннингем и посмотрел мне в глаза. – Мистер Гроот, поверьте, наука – вот что имеет реальную ценность в этом мире. Всё остальное – один большой пустяк! Вы хотите вернуться в свою библиотеку, чтобы провести всю жизнь среди книг, которые даже не Вы написали? Чтобы каждый новый день был похож на предыдущий? Хотите?

Я тогда подумал, что в чём-то он, конечно, прав.

– От пятисот тысяч, – сказал Каннингем.

– Что?

– Пятьсот тысяч – начальная цена одного перехода для наших клиентов. В зависимости от платёжеспособности, цена может вырастать до очень крупных сумм. Для Вас участие бесплатное!

– Это бизнес?

– Вы знаете, мистер Гроот, люди платят мне деньги за услугу, за то удовольствие, которое мы им предлагаем испытать. Или за спасение в случае со смертельными заболеваниями, когда

медицина бессильна. Согласитесь, перемещение в иное время со сменой оболочки – предложение, не имеющее аналогов ни на рынке развлечений, ни в контексте спасательных мероприятий! Некоторые предпочитают навсегда переместиться и изменить таким способом свою жизнь. Есть и такие чудачки! Поэтому я сам финансирую свои исследования и сохраняю независимость и от государства, и от всяких там корпораций.

– Но как Вы находите коммерческих туристов?

– Я не даю рекламу в газетах, как Вы понимаете. Мне интересны обеспеченные клиенты, а в этой среде услуга пользуется спросом. «Сарафанное радио», если сказать совсем просто.

– А та женщина?

– В парке? Она была больна. Рак, знаете ли. Но я дал ей возможность прожить дольше.

Но ТАМ!

– Но она же умерла на моих глазах!

– Её тело умерло здесь, в нашем мире, но после того, как умерло сознание ТАМ! Нарушилась связь сознания и тела. Если хотите вернуться назад, такая связь должна оставаться. Это закон! Это важно! Там у неё будет другое тело. Позже Вам объяснят.

– Когда?

– Скоро. Не исключено, что в том прошлом старушка прожила долгую и счастливую жизнь. И, может быть, с самого её начала – с детства. Только здесь для оставшегося дряблого тела прошло мгновение, а в прошлом для её сознания – целая жизнь. Но как сложилась её судьба после перехода никто не знает. Может, она погибла сразу по прибытии, или потеряла связь с телом, или не смогла вернуться к дырке в нужное время, если что-то там не устроило – мы не знаем. Давайте будем думать, что всё у неё сложилось хорошо. Вы согласны?

– А парень в кафе?

– Искал приключений на свой австралийский зад. Хе-хе. Хотел пожить другой жизнью. Я повторюсь: то, что молодое тело умерло здесь, не означает, что он умер молодым ТАМ. Он так же мог не захотеть возвращаться, дожить ТАМ до старости и умереть естественной смертью в окружении благодарной семьи. И наоборот – возможно, он не смог вернуться по какой-то причине и погиб. В каком-то смысле, это рулетка, мистер Гроот. Только, в отличие от обычной рулетки, вы можете делать выбор и влиять на события.

Отступать было поздно, и я был влюблён, в конце концов!

Каннингем как будто прочитал мои мысли.

– Я вызываю Патрицию – она приедет завтра, – сказал он. – Будем готовить Вас к пробному переходу. С завтрашнего дня начинается Ваша стажировка. А пока отдыхайте. Для Вас снят номер в гостинице. Вас отвезут, конечно. Ровно в десять утра будьте готовы. Слышите?

Я встал, и почувствовал, что голова моя закружилась от счастья.

Я был уже на лестнице, когда профессор окликнул меня.

– Да. Чуть не забыл, – сказал он. – Хочу показать Вам кое-что. Пройдите сюда.

Я вернулся – Каннингем стоял со стеклянной капсулой в руках.

– Как Вы думаете, что это такое?

Я затруднился с ответом.

– Это одно из величайших изобретений! Я назвал его «Растворитель Каннингема». На вид ничем не примечательная мутная жидкость, но... способна творить чудеса! Про состав не спрашивайте – коммерческая тайна!

Профессор сиял.

– Бартон, принесите объект, – крикнул он.

Пришёл огненно рыжий молодой человек с клеткой, в которой сидел крупный белый кролик.

– Поставьте здесь. Вы свободны. А теперь смотрите и удивляйтесь! Шоу начинается, мистер Гроот!

Каннингем взял с полки шкатулку и достал из неё аппаратус, напоминающий пистолет, с красной кнопкой сбоку. Затем он зарядил в аппаратус пробирку, поднёс его к кролику и нажал на кнопку. Кролик, по всей видимости, не ожидал такого коварства от доброго профессора и дёрнулся.

– Прививка Каннингема, – сказал профессор. – А теперь нам понадобится активатор. Какой активатор, мистер Гроот?

– Активатор Каннингема? – предположил я.

– Прямо в точку! Белке в глаз!

Затем он поставил клетку на пол и открыл дверцу.

Кролик вылез из клетки и уже собрался уходить, но профессор нарушил звериные планы.

– Активирую! – объявил Каннингем и нажал мелкие кнопки на приборе, который был надет на его руку вместо часов. Прибор и напоминал большие, но наручные часы.

– Это код, мистер Гроот, чтобы никто не пользовался без моего ведома. А то никаких кроликов не напасёшься!

В этот момент кролик начал исчезать.

Я не верил своим глазам, а зверь как будто растворялся в воздухе, и это, по какой-то причине, его беспокоило.

Ушастый питомец попытался бежать, но не успел, потому что исчез совсем.

Я растерялся, знаете ли.

– Роль Чеширского кота исполнена великолепно! Вам понравилось, мистер Гроот?

Я молчал, а Каннингем поправил парик.

– Я нарушил взаимодействие атомов его тела! Или туши – как Вам угодно. От квантовой механики к максвелловской классике! – сказал он. – Электроны потеряли энергию и проникли в ядра атомов. Плотность кролика достигла минимума, и кролик перестал существовать как материальный объект. Как не бывало! Так что езжайте в гостиницу, но завтра ровно в десять будьте готовы. Мне пора заняться делами.

Профессор взял сигару и закурил.

Он заметил в окне подъезжающий к особняку белый лимузин.

– А вот и клиент! – сказал он и потёр руки. – Хочет прожить ещё одну жизнь ТАМ, потому что здесь его дни уже сочтены. И это прекрасно, не правда ли?

Каннингем вздохнул и покачал головой.

– Счастливый человек – у него есть миллион!

Я спустился по лестнице и в холле встретился со старым джентльменом с тростью. Тот меня не заметил и чуть было не сбил с моих длинных ног.

– Тут есть лифт, мистер Карлайл! Не утруждайтесь лестницей, не нужно! Бартон, проводите! – кричал Каннингем сверху.

Я вышел из профессорского особняка, а через час был в чудесной, но не самой дорогой на свете гостинице.

Всю ночь я думал о том, что узнал накануне от дельного британского учёного.

Но мой разум не был готовым к таким необычным мыслям и отказывался анализировать события прошедшего дня.

Эта история с дырками, возможными перемещениями и растворёнными кроликами не поддавалась осмыслению и критическому анализу, как её ни покрути!

А ещё я думал о том, что попался-таки на крючок, и что роль Чеширского кота меня не привлекает.

А Патриция? Какова её роль?

Под утро я устал думать и уснул крепким сном молодого ещё человека.

Меня разбудил мой телефонный аппаратус, а уже через час я поднимался по лестнице, потому что воспользоваться лифтом мне не предлагали.

Когда я вошел в кабинет Каннингема, Патриция уже была там.

– А вот и наш претендент! – сказал профессор. – Как спалось? Уверен, что хорошо. Мы с Патрицией как раз говорили о Вас, Якоб.

Патриция выглядела как королева, пожалуй. Она успела сменить причёску – теперь волосы её были заплетены в две косички и приобрели каштановый окрас. Я, наконец, заметил, что она носила дорогие серьги с камнями.

Мы поздоровались, а Каннингем предложил сесть.

Профессор взял тугую сигару, поправил свой чудесный парик и закурил.

– Через неделю, вероятно, откроется дырка, которая нас интересует. Патриция будет Вашим проводником, мистер Гроот. Вы готовы?

Я посмотрел на Патрицию, но она посмотрела на меня, а я ответил, что, конечно, готов.

– Прекрасно! Другого ответа я не ожидал. В случае удачного возвращения и выполнения задания, которое Вы непременно получите, можете рассчитывать на карьерный рост в нашей скромной организации.

Я удивился.

– Да, да, – сказал он. – Станете проводником, как Патриция. Будете работать с клиентами. Такая работа хорошо оплачивается. Ну и главный бонус – моё доверие. Оно тоже дорогого стоит, поверьте.

Профессор посмотрел на Патрицию.

– Я прав, Патриция?

– Как всегда, мистер Каннингем, – ответила она.

– Кроме того, будете исследовать новые дырки. Сейчас Вам страшно, я понимаю. Вы боитесь неизвестности, как и все люди. Это нормально. Но со временем войдёте во вкус. Это как наркотик – сначала страшно, а потом жить без него не можете.

– Патриция тоже... турист? – спросил я.

– Конечно. Подойдите сюда, мистер Гроот.

Каннингем встал и подвёл меня к шкафу со стеклянной дверцей. За стеклом висел белый парик, какие носят в восемнадцатом веке.

– Как Вы думаете, что это?

– Парик?

– Безусловно. Но в данном случае важно чей он.

– Ваш?

Каннингем поправил чёрный парик на своей голове.

– Теперь он, конечно, мой, но его предыдущий владелец весьма замечателен. Это парик Робеспьера. Да, да, того самого, о котором Вы знаете из книжек, и которому парики в какой-то момент стали без надобности. Патриция знакома с ним лично.

Профессор с удовлетворением заходил по кабинету.

– Это трофей Патриции, – сказал он. – Первый трофей. Вас, кстати, я тоже попрошу добыть что-нибудь для меня. Это будет Вашим одновременно и экзаменом, и доказательством того, что Вы были ТАМ. А то некоторые наивно полагают, что меня легко обвести вокруг пальцев! Мне лучше не лгать! И вообще, я не прощаю предательства! Запомните это, мистер Гроот! Как происходит переход Патриция расскажет Вам сама, когда будет инструктировать.

Патриция кивнула, а меня эта игра начинала увлекать и мой страх смешался с моим же любопытством.

Но, конечно, более всего меня радовала возможность работать вместе с Патрицией, ведь я положил на неё свой глаз.

– Ну а теперь заключим договор. Мы люди деловые. Полагаю, вы не против, мистер Гроот?

– Нет, – ответил я.

Мне первый раз в жизни довелось почувствовать себя деловым человеком, а профессор достал бумагу и вручил её мне.

– Можете не читать, я Вам всё уже рассказал. Расписку о неразглашении я с Вас взял. Ставьте подпись – экономьте наше время. Время, как известно, дороже денег. Оно вообще дороже всего на свете!

Я подписал договор, знаете ли.

– Хорошо. Добро пожаловать в компанию! – сказал Каннингем и пожал мне руку. – Вы помните вчерашнего джентльмена с тростью?

– Конечно, мистер Каннингем.

– Это наш клиент. Завтра с Патрицией отправите его в новую жизнь. Старичок хорошо заплатил и выбрал Италию. Ах, Италия! Любовь моя! Я долго жил там. А моя бывшая жена до сих пор там обитает – иногда помогает мне с делами. Стерва, конечно, но полезная! Обожаю Италию! Вы были в Италии, мистер Гроот?

– Не доводилось.

– Вот и прекрасно! Уверен, Вы её тоже полюбите! Так что вылет через два часа. Патриция, будь осторожна! И не попадайте в криминальные сводки – нам реклама не нужна! А у меня дела. Удачи!

Мы с Патрицией выходили из особняка, когда к нему подъехала ещё одна дорогая повозка – судя по всему, бизнес любезного мистера Каннингема процветал.

Из повозки вышла азиатская дама лет пятидесяти. Она была в белой шубе, хотя воздух был тёплым, как свежая булка, а солнце так разгорячилось, что могло припечь зазевавшегося чудака.

На женщине, кроме шубы, были развешаны золотые украшения с камнями, которые блестели на солнце и слепили глаза.

С дамой был странный молодой человек, который смотрел себе под ноги и не поднимал своей головы.

Гостей сопровождала парочка шкафообразных, но шустрых телохранителей, которые с подозрением отнеслись к нам с Патрицией и чуть было не обыскали – лишь вмешательство Каннингема из окна второго этажа спасло нас от унижительной процедуры.

Через пару-тройку часов мы с Патрицией вылетели в Милан.

04

В железной птице мы молчали.

Якоб Гроот, по привычке, волновался изо всех сил, а Патриция читала какой-то женский журнал с яркими картинками.

Потом я устал волноваться и начал засыпать.

– Что у тебя с отчимом? – услышал я голос Патриции.

Разговор о мяснике не доставлял мне особенной радости, как вы, наверное, понимаете.

– Ничего, – ответил я.

– Я заметила, что вы не общаетесь.

– Это не важно.

– Не хочешь говорить о нём?

– А зачем?

Привезли обед. Патриция есть не стала, взяла лишь кофе, а я с жадностью накинулся на фазана.

– Он сказал, что ты голубой.

Я подавился птицей, хотя фазаном подавиться труднее всего на свете, как его ни покрути.

– Шучу, – сказала Патриция. – Но всё же. Расскажи мне.

– Он убил мою мать, – сказал я.

– Как?

Я рассказал ей ту неприятную историю со смертельным исходом, о которой предпочитал умалчивать.

– А почему ты уверен, что он убил? Ты же не видел.

– Потому, что он – скотина, – ответил я и уставился в круглое окно.

Патриция продолжила читать, а я больше не сказал ни слова до самого Милана.

В Милане мы поселились в гостинице с неприметным названием «Дорогой итальянец».

– Если будут спрашивать – мы пара, собираемся пожениться. В Милан приехали на выставку современного искусства, – сказала Патриция. – Жить будем в одном номере, но спать раздельно.

Я не протестовал, как вы, наверное, понимаете.

Таких роскошных номеров, какие были в «Дорогом итальянце» я ещё не видел. Честно сказать, я вообще до того времени не видел номеров, потому что жить в гостиницах мне не приходилось.

– Я люблю командировки. Привыкай! Каннингем платит! – сказала Патриция.

Шикарный номер и красивая девушка на соседней кровати поднимали мне настроение до небес. Вы не поверите, но я даже начал завидовать самому себе!

Затем мы посетили магазин, в котором продавалась дорогая одежда от модных и старательных итальянских портных.

Патриция сама выбирала для меня чудесные и аккуратные вещи, а я не сопротивлялся, потому что доверял её вкусу более, чем вкусовым способностям Якоба Гроота.

Из того магазина я вышел другим человеком в прекрасном костюме, который сидел на мне так, как должны сидеть костюмы на добрых людях. Для меня было откровением, что мою нелепую фигуру можно так украсить одеждой – я целый час не мог оторваться от чистого зеркала, знаете ли.

Патриция тоже обновила свой гардероб – она приобрела нарядное белое платье, закрывавшее ноги и полностью грудь, но с боковым разрезом чуть ли не до самого пояса.

– Сегодня пойдём в ресторан, – объявила она мне, когда рассчитывалась за прелестные шмотки.

Затем мы заменили мне очки на другие, стоимость которых, помню, превышала мою месячную зарплату в библиотеке.

– Можно вставить линзы, но, по-моему, очки тебе идут. – Отвлекают от дефектов кожи, – сказала Патриция.

Я чувствовал, что как будто я – не я. Но перевоплощение Якоба Гроота в стильного красавца удалось, пожалуй, – Патриция была довольна собой и даже взяла меня под руку.

– Держись раскованнее! – сказала она.

А вечером мы пошли с Патрицией в ресторан. Моя компаньонка была в новом платье, на её руках и шее появились украшения, а я был в приличном костюме и таких же очках.

Ресторан был под стать нашей гостиницы – за столами сидели солидные джентльмены и прекрасные дамы, слуги бегали с бешеной скоростью, а на рояле играл подающий надежды немолодой пианист.

Блюда и вино Патриция выбрала, как обычно, сама. Порции не были такими тяжёлыми, как в МакРональдсе, и меня это удивило, но Патриция сказала, что так надо.

Я тогда первый раз попал в другой мир, не иначе. И хотя он не был привычным для меня, он меня не пугал. Возможно, потому что рядом со мной была красавица Патриция.

После ресторана Патриция показала мне город. Италия и правда может влюбить в себя с невероятной лёгкостью, скажу я вам.

– Завтра к вечеру будь в форме, – сказала Патриция, когда выключала свет в своей комнате.

Ночью я не спал, потому что мыслей накопилось великое множество, а мой разум не успевал обрабатывать их все разом.

Вечером следующего дня мы вышли-таки из «Дорогого итальянца».

Патриция была в джинсах и кроссовках, а на изящных плечах её болтался рюкзачок.

Я тоже повесил свои чудесные обновки в шкаф и оделся в стиле обычного простолюдина, как и моя подруга.

Вечерний Милан был ещё красивее дневного, а на таксомоторе мы доехали до Монументального кладбища.

– Молчи и слушай, – сказал Патриция. – Говорить не надо.

Я кивнул.

Мы прошли на кладбище. Там нас ждал тот пожилой уже мужчина, которого я видел у Каннингема.

– Добрый день, мистер Карлайл, – сказала Патриция.

– Вы опоздали на три минуты! – сказал добрый старикан.

– Прошу прощения. Это мой ассистент. Вы выполнили указания мистера Каннингема?

– Да! Я съел его долбаную таблетку!

– Тогда можем ехать.

Мы сели в дорожную повозку Карлайла – старичок уселся за руль, а мы с Патрицией – на заднее сиденье.

– Паоло Ломацци и Паоло Сарпи. Паркуйтесь у МакРональдса, – сказала Патриция.

Через пару-тройку минут мы были на обозначенном месте.

– Вы готовы?

– Дайте пару минут! – сказал Карлайл и закрыл глаза.

Вдруг он начал насвистывать мелодию *Raindrops keep falling on my head*, но получалось у него как-то печальнее, чем могло бы быть. Я не помню, кто пел эту песню, но она мне нравилась в то время. Честно сказать, я даже и теперь я её напеваю, когда никто не слышит.

А в тот день я удивился, что такой неприятный тип, как Карлайл, может любить такие чудесные и добрые песни.

Мы ждали пока старик не закончил свой печальный свист.

– Я готов, – сказал он.

– Когда поймёте, что вы в нём, сосредоточьтесь на его теле, подавите его сознание. Он будет сопротивляться, но вы должны быть сильнее. Если Вас что-то не устроит, ровно через 224 дня дырка снова откроется, и Вы сможете вернуться. Но этот временной промежуток придётся провести ТАМ. И выжить, разумеется.

– Да понял я! Я выживу! Девочка, ты можешь не сомневаться! – сказал Карлайл.

– Я...

– Хватит болтать! Приступайте!

Старичок закрыл глаза и напрягся, а Патриция набрала код на наручных часах, таких же как у Каннингема.

Карлайл откинул голову назад и умер, но почему-то без улыбки на своём чудесном лице.

Я предположил, что такие типы, как тот пожилой уже человек, не имеют представления об улыбках и обо всём, что с ними связано.

– Всё нормально. Он не вернулся, – сказала Патриция.

Я обрадовался, как ребёнок, у которого добрые люди не отобрали все его игрушки.

Было похоже, что мёртвый мистер Карлайл спит крепким сном. Патриция огляделась по всем сторонам и посмотрела на меня.

– Выходим. Держись увереннее! – сказала она мне.

Мы вышли из дорогой повозки. Казалось, прохожие и жующие упругие булки в МакРональдсе туристы не обращали на нас никакого внимания.

Но тут к нам подбежал смуглый паренёк с бегающими разноцветными глазами и сломанным носом.

– Ребята, не хотите травки? Или ещё чего? Чего вы хотите? Вы только скажите – у меня всё есть, – болтал он так с такой скоростью, что я едва его понимал.

– Давай. Что у тебя? – спросила Патриция.

Паренёк обрадовался.

– У меня всё! – сказал он.

– Не здесь.

– В машине?

– Нет. Зайдём куда-нибудь.

Парень завёл нас в вонючую подворотню с мусорными контейнерами.

– Здесь! – сказал он.

Но продолжения диалога не получилось – Патриция с размаху ударила парню в междуножие, а тот издал негромкий звук, схватился за свой пах и скрючился.

– Придержи его! – крикнула мне Патриция.

Я как пёс набросился на беднягу и обнял его за шею мёртвой хваткой.

– Пусти! – хрипел барыга.

Как вы, вероятно, понимаете, я не мог его отпустить, чтобы не испортить отношения с Патрицией. Я считал, что если она решила скрутить того миланского красавца, то так было нужно для дела. Полагаю, вы сделали бы то же самое.

Патриция достала из рюкзака что-то похожее на флакон с духами, и сделала этой штукой укол в смуглую, вероятно, задницу – я услышал щелчок, парень вскрикнул и выругался.

– Держи его! – сказала Патриция и набрала код.

Я понял, что парню суждено отправиться вслед за кроликом Каннингема, но меня это не смутило, ведь я помогал Патриции, сами понимаете.

– Что за...? – не унимался беспечный торговец.

– Заткнись! – вырвалось у меня.

Я удивился сам себе, но посмотрел на Патрицию, а она улыбнулась мне и кивнула.

В этот момент я почувствовал, что парень стал размягчаться как пчелиный воск, а потом он начал исчезать как тот кролик.

Через пару-тройку секунд я перестал его чувствовать, а на земле лежала его нехитрая одежонка.

– Быстро собери и выбрось!

Я повиновался своей смелой подруге и бросил одежду неудачливого торговца в мусорный бак.

Мы вышли из подворотни, купили таксомотор, и через полчаса пили дорогое красное вино в номере нашей каупоны.

– Почему ты решила его растворить?

– Свидетелей оставлять не нужно. Каннингема разве тебе не говорил? Кроме того, он торгует наркотой.

– Но почему тогда нельзя растворять тела клиентов, если они не возвращаются и их тела умирают?

– Мёртвое тело не растворяется – «Растворитель Каннингема» нуждается в доработке, – сказала Патриция и засмеялась.

– Хорошая идея – спрятать капсулу с растворителем во флакон из-под духов.

– Моя, – сказала Патриция. – Так легче перевозить.

– Но я ведь тоже свидетель. Почему ты не растворила меня?

Патриция подошла ко мне с бокалом и посмотрела в глаза.

– Тебе я решила дать шанс, – сказала она. – Ты вовремя выдал себя за полиглота, если честно.

Помню, меня удивило то, с какой лёгкостью я пошёл на растворение человека и не испытывал при этом ни малейшего морального дискомфорта.

Что случилось со мной? Где были мои добрые принципы? Неужели влечение к Патриции отключило у библиотекаря чувство жалости? Неужели ради обладания красивой девицей я был готов на всё, даже на преступление?

Или, может, во мне, и незаметно для меня, сидело нечто, собранное второпях из моих страхов, комплексов, скрытых наклонностей, которое готово вырваться наружу в подходящий момент? А может, дело в моей искренней неприязни к наркотическим веществам и к людям, которые о них заботятся? Кто же знает...

Так или иначе, все варианты, которые предложил мой беспокойный разум, меня устраивали.

На следующий день мы с Патрицией вернулись в Лондон.

– С возвращением! – приветствовал нас Каннингем с особой театральностью. – Как прошло?

– Отлично, мистер Каннингем! – ответила Патриция.

Про разложенного на атомы миланского преступника она умолчала со свойственной ей деликатностью.

– Прекрасно. Патриция, ты, как всегда, на высоте!

– Благодарю.

– Бартон, принесите шампанского! Мистер Гроот, Вы прекрасно выглядите!

Рыжий дворецкий принёс ведёрко со льдом и бутылкой и поставил его на стол.

Каннингем сам достал бутылку и открыл её за секунду, а я удивился безумной скорости доброго профессора.

Он поправил парик и разлил вино по бокалам.

– На ваши счета сегодня будут переведены гонорары. Мистер Гроот, Вы останетесь довольным – там ещё и аванс. Что поделает, если я доверю Вам?

Профессор не обманул, сделал большой глоток и продолжил.

– У меня для вас хорошая новость. Есть срочный клиент, но случай необычный. Я хочу, чтобы ты, Патриция, провела клиента с начала и до конца – боже, как звучит – вместе с мистром Гроотом. Начиная с подготовки клиента, ну и сам переход, конечно. Вы готовы, Якоб?

Я ответил, что готов начать хоть сейчас, но дело перенесли на следующий день.

Мы распрощались с профессором и нас с Патрицией отвезли в город.

– Встретимся завтра на аэродроме в половине первого. Оденься попроще, – сказала Патриция, села в повозку и куда-то уехала.

Я не задавал лишних вопросов, а побрёл в гостиницу, потому что устал, знаете ли.

05

Утром я зашёл в модный магазин и купил новую одежду «попроще», но постарался выбрать самую красивую. Патриция одевалась со вкусом, а я хотел соответствовать ей во всём.

В половине первого я был на аэродроме.

– Что это? – спросила Патриция про мои обновки.

– Купил утром, – ответил я.

– В Париже переоденешься. Я сама выберу.

Я не спорил с Патрицией, потому что доверял ей более, чем самому себе, пожалуй.

В железной птице она напомнила, что мы с ней – влюблённая друг в друга пара, и скоро у нас будет свадьба.

Мне роль жениха Патриции льстила, и, хотя я чувствовал, что ещё не совсем подхожу на неё, я старался играть свою роль на совесть. Ведь внешнее подражание должно вести к внутреннему соответствию, не так ли?

Патриция читала женский журнал, а я глядел в круглое окно.

– У парня аутизм, – сказала девушка.

– У какого?

– У клиента. Это даже хорошо – ему не составит большого труда сосредоточиться. Успех почти гарантирован.

– Как он выживет ТАМ с аутизмом?

– Якоб, нам платят за удачный переход клиента. Всё остальное нас не касается.

– У него будет другое тело?

– Будет.

– Какое?

– Я не знаю.

– Мы как будто собираемся пожениться, а я многого не понимаю, – сказал я. – Так не женятся...

– При переходе сознание клиента вытеснит из Кewprie его сознание и завладеет его телом.

– Кewprie?

– Да. Так мы называем тех, кто отдаёт тело клиенту.

– Добровольно отдаёт?

– Нет. В каком-то смысле, Кewprie – это доноры. Их сознание засыпает, пока сознание клиента остаётся в теле. Если клиент возвращается, тот человек продолжает жить своей жизнью.

Я удивился.

– А если клиент останется? Или тело с сознанием клиента погибнет? Тогда что?

– Тогда Кewprie не повезло.

Получалось, что у людей, пускай в прошлом, пускай, кажется, что их уже давно нет (на самом деле они всё-таки есть), забирали тела, распорядились ими, губили, и называли всё это безобразие «донорством». Я тогда был молодым, и некоторые вещи были способны меня возмущать, если они не вписывались в мою чудесную картину мировосприятия.

– Это же почти преднамеренное убийство! Самое настоящее! – сказал я.

– Это не всегда так.

– Почему?

– А ты подумай о том, что, жертвуя свои тела, они могут спасти неизлечимо больных. Как ту старуху в парке. У неё был рак, а ТАМ она продолжит жить. И возможно, проживёт счастливую жизнь. У неё появляется шанс.

– Прожить счастливую жизнь, отняв её у другого?

– Говори тише, – сказала Патриция, – Да. И не всегда у Кewprie жизнь счастливая. Разные попадают, Якоб. Некоторым смена сознания идёт на пользу. Но иначе никак. Пойми! Иначе перехода не получится!

Я негодовал, как ребёнок, которому подарили не ту игрушку, которую он хотел, но молчал.

В Париже Патриция первым делом повела меня в магазин и передела-таки, а мои лондонские нехитрые тряпки были отправлены в ближайший мусорный бак.

– Так-то лучше!

Я не спорил с красавицей.

Потом мы приехали в какой-то неприметный парижский район на окраине. Здесь, как сказала Патриция, была снята квартира для встреч с нашими клиентами.

В квартире не было мебели – лишь стол с несколькими стульями и бар – в одной комнате, и кровать – в другой.

– Почему ты так долго жила по соседству со мной? – спросил я.

– Проводник должен изучить дырки, прежде чем отправлять туда клиентов. Да и нравится мне твой городок – он очень мил.

– Ты переходила сама?

– Конечно.

Я всё ещё не мог понять как такое возможно: в другом времени турист проживает годы, а в нашем времени проходит лишь миг. Но на самом деле всё можно объяснить с завидной простотой.

Дело в том, что для тела туриста время как будто останавливается, пока сознание не вернётся обратно. Там, в другом времени, можно прожить жизнь, потом вернуться, затем уйти вновь и прожить ещё одну, и ещё одну, и так до бесконечности, если повезёт, и вы, вместе со своим милым Кевриэ, не откинете свои копыта от чумы в лондонском вест-энде или от шальной пули какого-нибудь якобинца.

Причём, каждый раз можно жить в другой эпохе, жизнью разных добрых людей. Это ли не лучший аттракцион во Вселенной? Всё-таки Каннингем – великий выдумщик и прекрасный массовик-затейник, как его ни покрути.

– А как выбирается Кевриэ?

– Случайно. Тот, кто оказывается ближе всех к дырке в момент перехода, становится Кевриэ.

– А пол? Если ближе всех окажется женщина – быть мне женщиной? А если собака? Что насчёт животных?

Патриция рассмеялась.

– Нет, – сказала она. – Мужское и женское сознания несовместимы. Мужское сознание не может вытеснить женское, и наоборот. Такого у нас ещё не было. И мы не знаем почему. А Кевриэ из мира животных не возможен в принципе из-за большой разницы в долбаном сознании. Животный разум находится на другой волне, на другом уровне.

– А сколько времени ты провела ТАМ?

– В общей сложности около ста лет.

Я подумал, что у Патриции крепкие нервы, ведь сто лет в другом мире – это вам не фазана на завтрак зажарить!

Но она каждый раз возвращалась, чтобы вернуться ТУДА опять.

– Мне нравится так жить. Опасно, но круто! Каннингем прав – это как наркотик. Ты скоро в этом убедишься.

– Каннингем – большой учёный. Удивительно, как он...

– Он был не один!

– Не один?

– У него был напарник, тоже физик, с которым они открыли эти дырки и всё остальное.

– И где он?

– Он исчез.

Патриция замолчала и вернулась к чтению, а я представлял в своих мыслях свой чудесный тур, из которого мне предстояло вернуться живым, чтобы получить-таки самую красивую девушку из тех, которых я видел.

Я сомневался в своих силах, но влечение к Патриции оказалось сильнее всех моих долбаных сомнений. И я дал себе слово, что если пройду это испытание, то Патриция будет моей во что бы то ни стало – она не сможет отвертеться! Так я думал тогда и настраивал себя на неминуемую и великую победу.

А вечером пришёл наш клиент. Точнее, их было трое – та самая женщина с азиатскими глазами лет пятидесяти, которую мы видели у Каннингема, и молодой парень с глазами печального европейца – он тоже приезжал тогда к профессору. Их чудесный телохранитель остался у двери.

Парень вёл себя не так, как ведут себя его сверстники – собирал кубик и был так увлечён, что не обращал на нас внимания. Я читал про аутистов, но никогда их до тех пор не встречал.

Патриция предложила гостям сесть за стол, но женщина настояла, чтобы парень побыл в другой комнате, пока мы будем с ней беседовать.

Телохранитель усадил аутиста на кровать в спальней, а мы втроем сели за стол в гостиной комнате.

Азиатская женщина держалась с завидным достоинством – если бы я встретил её в Риме, то решил бы, что она из древнего и знатного патрицианского рода. Правда, разрез её чудесных глаз мог бы меня смутить, но тем не менее – держаться на людях она умела.

– Как мне к Вам обращаться, мадам? – спросила Патриция.

– Мадам.

Патриция кивнула.

– Мой муж покинул этот мир не так давно, – сказала женщина. – Это его сын.

– Мадам, Вы понимаете, что он не вернётся?

– Мистер Каннингем объяснил мне. Гийом, он... Вы сами видите. Так будет лучше. Для него.

Судьбу того несчастного парня решала его добрая мачеха. Лучшим выходом для него она считала перемещение в неизвестность, знаете ли. Это, конечно, не убийство в привычном значении слова, но это был однозначный приговор для человека, который не мог постоять за себя даже в сытое и мирное время, а тем более во временном туре, где опасности могут поджидать за каждым углом и под каждым оливковым деревом.

Я не знал, в наследстве ли было дело, или в долбаной ненависти, но я помню, что почувствовал сильную неприязнь к той прекрасной мадам. Да и к себе, пожалуй, тоже, заодно.

– Это будет выглядеть как несчастный случай. Следов насилия не найдут – можете быть уверены, – сказала Патриция.

– Это хорошо. Мне не хотелось бы доказывать свою невиновность. Полагаю, это утомительно.

– Он понимает, что ему говорят? – спросила Патриция.

– Понимает. Он сделает всё так, как вы скажете.

– Завтра утром дайте ему это, – сказала Патриция и положила на стол небольшой футляр. – Там таблетка. Ровно в шесть будем ждать его на мосту Иена. Остальное объясню ему на месте.

Женщина взяла футляр, и гости ушли.

– Патриция, ты же понимаешь, что это убийство? Причём, сразу двоих – Kewrie тоже не выживет! – сказал я.

– У него будет шанс. Его могут посчитать за сумасшедшего и отправить в лечебницу. Хочешь яблоко?

– Куда откроется дырка?

– Восемнадцатый век. Французская революция или около того.

Патриция достала из своего рюкзачка красное яблоко и принялась его кусать.

– Около того? Мы не можем знать точно?

– Мы можем знать примерный, вероятный временной диапазон. Как правило, он не более двадцати лет. Парню повезло, что завтра откроется эта дырка, иначе пришлось бы воспользоваться другой по соседству, а это – Средневековье.

– Повезло?

– Конечно. Он же аутист! В Средние века он из дырки сразу же отправился бы на костёр! В самом деле, парня иначе как «удачливым» не назовёшь, не так ли?

В шесть часов мы стояли на мосту Иена. Я любовался отличным видом на башню Эйфеля, а Патриция изучала путеводитель по Парижу.

Гийома с кубиком привёл тот же телохранитель мадам, которого мы видели на съёмной квартире. Он велел парню идти с нами, а сам остался на мосту.

Парень кивнул, но от кубика не отвлёкся.

– Гийом, слушай меня внимательно, – сказала Патриция, пока мы шли. – Как только я дам тебе знак, сосредоточься на теле, и не расслабляйся ни на секунду! Ты увидишь другой город, ты не узнаешь его, но не пугайся. Иди наверх, к мосту, и проси помочь тебе. Хорошо? Ты понял меня? Говори, что ничего и никого не помнишь. Что хочешь быть кавалеристом, как и твой отец.

Парень как будто чувствовал, что в его жизни происходит что-то не самое хорошее – он покраснел от волнения, а шаг его укорачивался с каждой секундой.

Честно сказать, я и сам разволновался – во мне боролись двое.

С моста мы спустились на набережную – если я не путаюсь, то она называлась Де Бийи.

Людей на набережной не было – туристы предпочитали прогулки по мосту, а под мостом лишь парочка добрых парижских клошаров устроила пикник.

Патриция сказала парню, чтобы он сел у дерева за стоявшей на набережной повозкой. Я не выдержал – во мне тогда победил гуманист-библиотекарь – и схватил Патрицию за рукав чудесной кофточки с яркой полосой на тёмном фоне. Надо сказать, кофта с успехом дополняла стильный образ девушки и Патрицию было не отличить от обычной студентки-француженки.

– Патриция, давай спрячем его! Скажем, что всё прошло отлично! – сказал я. – Его не найдут! Отправим на какой-нибудь остров! Пускай живёт там на бананах – собирает кубики! Патриция, не нужно этого делать! Не нужно!

– Ты с ума сошёл! Отпусти! Ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь стать следующим кроликом Каннингема? У меня такого желания нет! Посмотри наверх!

Я поднял голову и увидел на мосту охранника нашего парня. Он стоял с группой азиатских туристов, курил и смотрел на нас свысока.

Аутист стоял с нами и, казалось, что он расплечется. Да и Якоб Гроот мог прослезиться от жалости, пожалуй. Да, как я уже писал, я в то время был молодым и не в меру сентиментальным человеком.

Якоб сдался-таки, отпустил руку Патриции и отошел в сторону.

Но в этот момент наш аутист побежал по набережной вдоль Сены. От неожиданности мы на мгновение даже замешкались, как дети, которым не хватило игрушек.

– За ним! – крикнула Патриция.

Мы рванули за парнем, но он оказался быстрым бегуном и припустил как североамериканский бизон, за которым гонятся добрые, но меткие охотники с луками.

Под мостом мы растолкали клошаров, а они в ответ выругались на чистейшем французском языке и кинули в нас пустой бутылкой из-под недорогого напитка.

Как ни странно, но эти мерзавцы попали мне в голову, а бутылка даже не разбилась и рикошетом улетела в реку. Я, конечно, почувствовал боль вкупе с теплом и приложил к ране свою правую руку. Из раны сочилась красная кровь и пачкала мою новую и красивую одежонку.

– Не останавливайся! – кричала Патриция.

Но я и не думал останавливаться.

Хоть я и считал, что преуспел в беге ещё в школе, когда мне приходилось удирать от добрых одноклассников, но я вынужден был признать, что тот аутист бежал быстрее меня.

У меня были, пожалуй, самые длинные ноги на свете, но я бежал последним в нашей бодрой тройке – Патриция тоже оказалась более подготовленной для таких внезапных забегов.

Она кричала по-французски что-то вроде «Полиция! Расступись!» и немногочисленные, но доверчивые прохожие расступались.

Бежали мы не минутой, и не две – долбаная набережная казалась бесконечной.

Я уже начал выдыхаться, как нам навстречу выехала чёрная повозка. Она чуть не сбила нашего аутиста – он остановился и расплакался, как плачут на похоронах родственники и друзья ушедшего от них доброго человека.

К счастью или нет, но мы нагнали-таки чемпиона, а я не мог отдышаться и сел на мостовую.

Из повозки выскочил охранник, мы затолкали в неё аутиста, залезли сами и поехали куда глаза глядели.

– Что будем делать? – спросил надёжный мужчина невероятных размеров, когда мы пересекли мост. – Возвращаться на то место нельзя – наверняка там уже полиция. Уже стуканули, что по набережной бегают какие-то мудни. И я не могу вернуть его обратно! Он не может вернуться! Его нет!

Патриция молчала, да и я тоже, потому что мы растерялись и не знали что делать.

– Думайте! Думайте! – сказал охранник и ударил рукой по рулевому колесу. – Это ваша работа, и вы её не выполнили! И перевяжи ему рану – салон только сегодня вычистили!

Он кинул нам бинт.

– Едем на квартиру! – сказала Патриция.

Патриция перевязала мне голову и моя кровь перестала покидать тело Якоба Гроота.

Мы приехали на ту самую квартиру, где встречались с мачехой чудесного аутиста. Его снова заперли в соседней комнате, а мы втроём сели за стол в гостиной, чтобы поддержать совет.

Патриция достала из бара бутылку коньяка, налила три стакана – один оставила себе, другие раздала нам. Я выпил глоток, но охранник по какой-то причине пить коньяк не стал.

– Попробуем ещё раз. В другое место! – предложил я.

– А если он опять сбежит? Хочешь давать показания в полиции, а потом разделить нары с добрыми уголовниками? Он нам больше не доверяет! – сказал мужчина.

После короткой паузы, Патриция достала из рюкзака знакомый флакон с «духами» от Каннингема.

– Нашла время! – сказал охранник.

– Другого выхода нет!

– Я не буду в этом участвовать! – сказал я.

– Справимся и без тебя! – сказала Патриция.

– Вы о чём? – спросил мужчина.

– Заткни ему рот и держи, чтобы опять не сбежал! – сказала ему Патриция.

Они вдвоём зашли в спальную комнату, где томился наш аутист. Поначалу была слышна возня и негромкие стоны, а потом щёлкнул чудесный аппаратус. Спустя пару-тройку минут Патриция и строгий мужчина вышли-таки из спальной комнаты.

– Никогда такого не видел, хотя и повидал не мало!

– Больше не увидишь! Держи язык за долбаными зубами! – сказала Патриция. – Уходи! Скажешь Мадам, что работа выполнена, но тела не будет. Мистер Каннингем свяжется с ней.

Удивлённый обыкновенным растворением человека в пространстве охранник ушёл.

А мы с Патрицией снова сели за стол и принялись пить коньяк, чтобы побороть усталость.

– Нужно сжечь одежду, – сказала Патриция.

Я кивнул.

– Лучше отдадим долбаным клошарам.

– Он бы всё равно не выжил. Но Якоб... В другой раз держи себя в руках. Работа – есть работа. Ты подписал контракт с Каннингемом и обязан выполнять то, что тебе поручено, а не пускать розовые сопли по всему Парижу. Про сопли в контракте ни слова! Если бы ты не

устроил истерику на набережной, всё могло бы сложиться иначе, и не пришлось бы менять планы на ходу. В нашей работе это может дорого обойтись!

– Что скажем Каннингему?

– Правду.

Я захмелел и думал о том, что иначе я сегодня поступить не мог. Или-таки мог?

Позвонили в дверь, а я взял и открыл её.

За дверью стоял тот самый строгий и удивлённый охранник с ещё одним таким же верзилой в чёрном костюме. Оба улыбались, как будто хотели продать нам какую-нибудь милую безделушку.

– Позвольте войти, или как? – спросили мужчины хором.

Я не успел ответить – верзила поднял меня и внёс в комнату, а дверь мужчины за собой закрыли.

– Мне показалась интересной та штука. Ну... вы понимаете. Мы бы хотели её посмотреть, – сказал охранник растворённого аутиста.

Он не стал ждать ответа – взял рюкзак Патриции и вытряхнул его содержимое на стол. Кроме прочих женских принадлежностей, из рюкзака выпал тот самый флакон.

– Не тронь! – крикнула Патриция.

Она попыталась схватить флакон, но мужчина лёгким движением руки отбросил девушку, и она упала на пол.

Охранник достал большой, но позолоченный пистолет и направил его на Патрицию. Я схватил его сзади, потому что мне не понравились те два джентльмена с самого начала нашего доброго знакомства, но второй верзила ударил меня по шее, и я тоже упал на пол.

– Держи его! Сейчас я тебе покажу как это работает!

Второй схватил меня за руки и надавил коленом в спину, так что я не мог шевелиться. Затем тоже достал пистолет, но чёрного цвета, и приставил к моей голове.

Номер первый взял флакон, подошёл ко мне, и я услышал знакомый до боли щелчок.

Болезненные ощущения в ягодице подтвердили худшие опасения – по венам Якоба Грота полился чудесный растворитель Каннингема.

Затем номер первый подошел к Патриции и сорвал с руки чудесные часы. Он держал мою подругу на своей мушке, но вернулся ко мне.

– Что ты там набирала? – спросил он Патрицию.

– Ты не сможешь им пользоваться, он настроен на мои отпечатки.

– Так в чём же дело? Набери сама!

– Я не стану!

– Тогда мы пристрелим этого хмыря к чертям собачьим!

– Да и пёс с ним! – сказала Патриция. – Стреляй, морда!

Я напрягся – у Патриции было хорошее чувство юмора, но в тот момент я не был готов оценить его в полной мере, потому что не знал, шутит она или нет.

Мордорот подошёл к Патриции и с размаху ударил по красивому женскому лицу своей волосатой, как у гориллы, рукой. Такого обращения с девушкой я стерпеть не мог, как вы, наверное, сами понимаете.

– Не смей! – крикнул я.

– Заткнись! – сказал номер второй и ещё сильнее прижал ствол своего красивого, но чёрного пистолета к моей голове.

Я от боли дёрнулся, и ствол задел бинт и рану, а бинт взял и сполз на пол вместе с моими дорогими очками – из раны просочилась тёплая кровь.

Красная библиотечарская кровь испачкала собой рукав доброго бандита.

– Дьявол! Изгадил новый костюм! Ты знаешь сколько он стоит, собака очкастая?

Мужчина так расстроился, что ослабил-таки свою железную хватку. Я высвободил руку и услышал голос Патриции.

– Пистолет! Быстро! – крикнула она.

Я не мешкал в тот ответственный момент и выбил освободившейся рукой оружие из руки сидевшего на мне мордovorота.

Пистолет отлетел на пару-тройку шагов, а верзила растерялся, но потянулся-таки за стволом, скотина.

Номер первый отвернулся от Патриции, а она вскочила и с силой ударила ему ногой в бандитское междуножие.

Злодей вскрикнул и сложился вдвое, а Патриция схватила со стола бутылку с остатками коньяка и опустила её на голову потерпевшего от удара её прелестной ножки бандита.

Наконец, он потерял своё сознание и свалился на пол вместе с осколками от бутылки.

Второй бандит дотянулся-таки до пистолета, но воспользоваться им не успел – Патриция выбила оружие ногой, подняла окровавленный бинт с пола и затянула его на шее злодея.

– Кровь... Сорочка... Сука, – прохрипел он три самых важных слова в его жизни.

Даже в такой, казалось бы, неприятной, и даже опасной ситуации, мужчина с криминальными наклонностями переживал за свои долбанные шмотки больше, чем за себя самого!

Я до сих пор удивляюсь людям и думаю о том, что они по-разному воспринимают и оценивают реальность. Порой, их восприятие выходит за рамки полезной разумности и умеренной трезвости.

Всё произошло с такой бешеной скоростью, что я даже не успел сообразить, что к чему.

– Чего валяешься? Хватай бинт! – крикнула Патриция и пнула меня своей ножкой.

Я вылез из-под бандита и схватился за бинт обеими руками. Верзила задыхался, но сознание, скотина, терять отказывался.

– Тяни сильнее! – приказала Патриция.

Я старался как мог, и даже вспотел от чрезмерного напряжения, знаете ли.

Патриция подняла пистолет с пола и опустила тяжёлую рукоять на массивную бандитскую голову.

Это лёгкое движение прелестной женской ручки поставило, наконец, жирную точку в нашей неравной борьбе – злодейское тело с грохотом свалилось на пол.

Я поднял свои дорогие очки – они почти не пострадали в схватке добра со злом – бандиты оставили на них лишь пару-тройку лёгких царапин.

А если бы речной клошар промахнулся и не пробил бы Якобу Грооту голову своей бутылкой? Бывает так, что кажущееся досадным обстоятельство может обернуться спасительным в безнадёжной ситуации. Думаю, не нужно говорить «дерьмо» по любому поводу – возможно, вам повезло.

Но я знаю, что Патриция всё равно что-нибудь бы да придумала – она всегда видела выход из любого и самого трудного положения.

Через пару-тройку минут мы услышали звонок в дверь.

– Дерьмо! – сказала Патриция. – Иди открой, но в квартиру не пускай!

Я встал и направился к двери.

– Стой! У тебя кровь. Я сама.

Она прикрыла дверь в комнату и открыла дверь входную. Было слышно, что Патриция извиняется за шум и ругает тяжёлую, но дешёвую мебель. Через минуту находчивая девушка вернулась.

– Надо заканчивать здесь и валить.

Я кивнул и ждал распоряжений Патриции. А чего мне было ещё ждать?

Патриция осмотрела флакон.

– Должно хватить.

– Ты хочешь их...?

– А ты чего хочешь? Отправить долбанных чудил в больницу? Делай, что говорю!

Первым она растворила того негодяя, который ударил её волосатой рукой по красивому лицу без морщин. Полагаю, её можно понять – женщин синяки украшают реже, чем мужчин, пожалуй.

– Собери пока одежду! Вытащи всё из карманов! – сказала Патриция.

Я повиновался.

– Он сдох! Подонок!

– Кто?

Я обернулся, а Патриция кивнула на лежащее тело.

– Этот крепыш проявил себя не с лучшей стороны.

– Мы не сможем его растворить?

– Теперь нет.

– Оставим здесь?

– Нельзя. Квартиру снимала я, долбаная соседка меня видела – будут искать с собаками.

– Что делать?

– Будем избавляться от тела, – сказала Патриция и подмигнула мне.

Я был готовым ко всему, но мне стало не по себе, как вы, наверное, понимаете.

– Твой отчим рассказывал, что ты работал в его лавке и умеешь разделять туши.

Я опешил.

– Ты хочешь, чтобы я его разделал... как свинью?

– Я сгоняю за пилой и топором!

– Это уже какое-то безумие!

– Шучу! Времени нет!

– Этих двоих тоже могут искать. Наверное, нам лучше уехать из Франции поскорее, – сказал я.

– Прямо в точку! Белке в глаз! Как говорит наш дорогой профессор. Завернём крепыша в покрывало.

Мы завернули павшего в нашей неравной битве злодея в кроватное покрывало и завязали его бинтом с двух сторон и по центру. Издалека этот свёрток можно было бы принять за большую конфету.

– Смой кровь с пола! И с себя не забудь!

– Но куртка тоже в крови! Чёрт её поberi!

– Надень куртку аутиста, и не истери!

Я сделал так, как сказала Патриция. Правда, куртка паренька была размера на два меньше моего, зато красная кровь перестала сочиться из раны – теперь её не было видно.

Тем временем Патриция нашла и подогнала бандитскую повозку к дверям подъезда. Мы решили дождаться двух часов по полуночи, чтобы остаться-таки незамеченными и свалить из Парижа без лишнего шума.

– Куда денем мерзавца? Чтобы быстро и надёжно. Есть идеи?

– В книгах обычно топят вместе с повозкой, – сказал я.

– Прекрасно! Я в тебе не ошиблась, Якоб. Будем выезжать из Парижа в сторону пролива. Затопим в безлюдном месте.

Я кивнул, а Патриция выключила свет.

Мы сидели и молчали – то ли от усталости, то ли от нервного напряжения. От всего и сразу, полагаю.

Уличные фонари кое-как освещали комнату через окна, и Патриция в тусклом свете показалась мне ещё красивее, как ни странно – чудесные черты её лица подчёркивались тенями. Я смотрел на Патрицию и благодарил богов за возможность быть с нею наедине.

– Нравлюсь? – спросила она меня.

– Очень.

– Это потому, что синяка не видно в темноте.

Под глазом у Патриции и правда проявилось пятно, но я его не замечал даже при свете.

– Ты тоже ничего – не спасовал.

Я засиял и осветил своим сиянием всю комнату. В тот момент похвала Патриции была для меня ценнее всего на свете.

– Только будь увереннее. Если надо бить – бей. Надо бежать – беги. Принимай решения быстро. Тогда у тебя будет шанс выжить. Там, куда ты скоро отправишься, нельзя быть нерешительным задротом.

– Я постараюсь стать решительным задротом! У меня хороший учитель. Самый лучший. И самый красивый. Даже с синяком под глазом.

Патриция улыбнулась.

Как мало я знал о мире в ту пору...

Я не представлял, что можно с такой стремительностью принимать важнейшие решения о жизни и смерти, не только о своей, но и о чужой. Патриция меня тогда многому научила, а, впоследствии, эти навыки не раз спасали мне жизнь. Да и не только мне, знаете ли.

– А сколько времени действует растворитель? – спросил я.

Я вдруг вспомнил, что бандиты ввели в меня растворитель и чувствовал от этого лёгкий дискомфорт – полагаю, вы меня понимаете.

– Ах, это... Пока не выйдет с мочой.

Моча тут же стукнула мне в голову, а я добежал до сортира.

В два часа мы начали нашу секретную операцию по вывозу объёмного тела из парижской квартиры.

Верзила при жизни умудрился нарастить себе гору мышц и был тяжёлым как бочка с гарумом.

По этой причине, спуск с третьего этажа затруднился, и в итоге мы уронили грузную бандитскую тушу на пол. А в ночной тишине это было равносильным мощному взрыву, не иначе.

Мы с Патрицией замерли в ожидании выхода сонных, но любопытных жильцов той инсулы. Хвала богам, французы спят как младенцы, и на шум от падения трупа не вышла ни одна живая душа.

Я предположил, что свёрток может сам скользить по ступеням как сани с горки, и оказался прав – осталось лишь дотащить нашу «конфету» до повозки и положить в её багажник.

Это несложное действие стоило нам некоторых усилий, которые при желании можно назвать титаническими, но предчувствие скорого окончания нашего приключения помогало нам не думать о трудностях и вело нас к победе.

В багажник также положили одежду и аутиста, и растворённого мордоворота, а пистолеты бросили туда же.

Патриция сама села за рулевое колесо, потому что я не умел водить повозку. Мы посмотрели карту – по дороге к проливу было много озёр – в одном из них и решили затопить повозку с «конфетой».

Через полчаса мы выехали из Парижа и наше настроение тут же поднялось до самых небес.

Патриция включила радио, а там крутили Raindrops keep falling on my head! Я тогда подумал, что это к удаче, не иначе.

И я стал подпевать тому, чьё имя вылетело из моей головы еще в детстве.

Патриция присоединилась ко мне, хотя, мне кажется, петь она не умела так же, как и я.

Наша удача не заставила себя ждать и материализовалась в пробитое заднее колесо.

Мы остановились у тёмной обочины. Трасса была оживлённой и шумной, а вдали виднелась какая-то деревня. В деревне светили фонари, а вокруг неё раскинулись культурные французские поля.

– Надо доставать чёртову запаску, – сказала Патриция.

Я открыл дверь, чтобы достать чёртовое запасное колесо.

– Подожди! Там же тело. Если начнём доставать крепыша, а быстро мы его достать не сможем, проезжающие будут освещать нас фарами. Сразу будет видно, что достают мертвеца в одеяльной обёртке.

– Как быть? Развернуть покрывало и выдать за спящего?

– В багажнике? Французы спят в багажниках?

– Не знаю. Нет, наверное, но... Я пойду, посмотрю что можно сделать.

Я вылез из машины и открыл багажник.

Мысли в ту ночь игнорировали мою голову и не приходили в неё с завидным упорством, и Якоб Гроот начал волноваться.

Сзади подъехала повозка с цветными огоньками, какие любят включать уличные хранители законности.

Якоб Гроот принялся волноваться ещё сильнее и захлопнул-таки багажник.

– Проблемы? – спросил голос за спиной.

Я боялся повернуться и смотрел вперёд сквозь заднее стекло. Патриция сидела всё так же за рулевым колесом, но обернулась и смотрела на меня.

Я попытался поймать подсказку в её взгляде, но не поймал ничего подходящего для выхода из моего неудобного положения.

Моё сердце выскакивало из библиотечарской груди, добрый полицейский ждал моего ответа, а Патриция не выходила.

– Нет, – прохрипел я, – решили отдохнуть.

Мне показалось, что я сказал глупость.

Я посмотрел на полицейского как нашкодивший ребёнок, который взял и в один прекрасный день съел все финики в домусе.

Полицейский и сам был молодым парнем чуть старше Якоба Гроота, но почти вдвое ниже него ростом. Он пнул своей ногой мёртвое колесо бандитской повозки.

– У вас колесо пробито.

Я кивнул, потому что сказать ничего не получилось.

– Надо достать запасное. Давайте помогу!

– Багажник заклинило.

– Я только что видел, как Вы его закрыли, месье.

– Я его закрыл – его и заклинило!

Я готов был сорваться и бежать, чтобы не сгореть от стыда, когда полицейский увидит нашу «конфету».

– Давайте посмотрю.

Чрезмерная любезность полицейского выводила меня из себя, но я взял-таки себя в руки.

Наконец, в дело вступила Патриция – она вышла из повозки, а я вздохнул с облегчением.

– Офицер, я жена этого... этого...

Вероятно, она не могла подобрать нужного и в то же время приличного слова, чтобы указать на мою нерасторопность.

– Мы сейчас уедем. Всё нормально, – сказала она.

– Как вы уедете, если у вас пробито колесо? Я предложил помощь, но Ваш муж отказывается. Он Вас бьёт? У Вас – синяк...

Мы с Патрицией переглянулись, а полицейский, похоже, начал нас в чём-то подозревать, скотина, – он пару-тройку раз перевёл настороженный взгляд с меня на Патрицию и обратно. Нужно было действовать, как вы, наверное, понимаете.

Патриция подошла к дотошному мужчине в форме полицейского.

– Меня никто не бьёт – я играю в поло с английским принцем – это его королевская клюшка...

Полицейский человек удивился.

– Офицер, мы уедем. И Вы езжайте. Хорошо? Я вызвала помощь – нам помогут. Не хотелось бы отвлекать Вас от службы своими маленькими дорожными неприятностями. Они того не стоят, поверьте.

– Мадам, я не уеду, пока не уедете вы, – упорствовал парень. – И покажите мне, пожалуйста, ваше удостоверение.

– Позвольте мне Вам показать кое-что другое, месье, – сказала Патриция.

Она завела доверчивого офицера за повозку со стороны обочины. Из-за маленького роста офицера с дороги была видна только его фуражка. Потом пареньёк зачем-то сел на заднее сидение.

Я расслабился, потому что знал, что Патриция всё уладит.

И, конечно же, я услышал до боли знакомый щелчок чудесного аппарата.

– Сюда!

Через секунду я помогал Патриции скручивать доброго полицейского. Тот пытался высвободиться и начал лягаться своими ногами. Уж не из-за этой ли дурной привычки хранителей порядка называют «лягавыми»?

– Держи его руки и не дай вылезти!

Я навалился, схватил офицера за руки и пытался уворачиваться от ударов его ног.

Вскоре пареньёк обмяк – он с жалостью смотрел мне в глаза и не понимал, что же такое с ним происходит.

Печаль захватила и меня, но я не давал волю своим чувствам и держал офицерские руки железной хваткой.

А потом пареньёк перестал сопротивляться – вместо этого он стал мягким как желе.

Он пытался что-то сказать, но издавал лишь гортанные звуки, которые переходили в жалобный писк.

Затем молодой офицер зашипел как змея. Лицо его изменилось до неузнаваемости и стало похожим на рыбью морду – рот то открывался, то закрывался – такое представление при иных обстоятельствах могло показаться забавным. Огромные глаза офицера вразной скользили по повозке как будто что-то выскивая. Ноги и руки куда-то исчезли – похоже, что они взяли и слились с размягчённым офицерским телом.

Я в ужасе отпустил офицера полиции, хотя офицером эту штуку уже вряд ли кто-нибудь отважился бы назвать.

А Патриция была спокойной и с интересом рассматривала химерное существо, которое получилось из обычного французского полицейского.

Да, хладнокровия у Патриции было хоть отбавляй – можете не сомневаться!

– Дерьмо! Растворителя не хватило! – сказала Патриция.

– Как так?

Якоб Гроот запаниковал.

– Патриция... Куда его теперь?

Патриция не успела ответить, потому что желеобразное существо издало звук, схожий с криком совы, изменило цвет на зелёный, выползло из полицейского костюма и выпало из машины на землю.

Проснулась полицейская радиостанция, которая была закреплена на ремне – кто-то бодрым голосом вызывал нашего недорастворённого беднягу.

Его называли «Жаном» или «Жаком», а может сразу «Жан-Жаком» – я не помню. Помню, что на другом конце волны интересовались как у него дела и куда он пропал.

«Дела у Жана с Жаком лучше всех – они превратились в желе. Это ли вершина полицейской карьеры?» – подумал я тогда, наверное.

Существо проползло, как удав, между мной и Патрицией, и скрылось в траве.

– Надо поймать его! – крикнул я и кинулся в погоню.

– Оставь! Нет времени! Пускай живёт!

– Живёт? Разве это жизнь?

– А чем не жизнь? Полная свобода тела и души. Если найдут – запишут в загадки природы. Вряд ли опознают. Бери всю одежду и пистолеты! И побыстрее!

Из полицейской повозки Патриция достала камеру и положила в свой рюкзак. Потом выключила передние и задние светильники.

Мы взяли все вещи, оружие, завернули всё это добро в покрывало – крепыша пришлось лишиться упаковки.

Затем мы стёрли отпечатки наших пальцев в повозке и с багажника, выждали пока в потоке проезжающих машин не появилась брешь, и стали удаляться в поле сначала спокойным шагом, а потом перешли на бег.

Когда добежали-таки до леса, то решили передохнуть.

– Что дальше?

– Полицейского скоро хватятся, – сказала Патриция, – Если учтут криминальные наклонности мордворота и его приятеля, то решат, что офицер задержал бандита, перевозящего в багажнике труп своего подельника. Между ними возник конфликт на бытовой почве, исход которого никому не известен – оба исчезли. Пускай ищут!

– Могут прислать долбанных псин, – предположил я.

– Поэтому нам стоит поторопиться.

Мы посмотрели карту – по ней до Па-де-Кале оставалось около ста миль и мы решили добираться на попутных повозках.

Мы двинулись вдоль трассы, а через пару-тройку миль увидели небольшой пруд. Я положил в тюк с вещами камень и утопил его в пруду к чертям собачьим.

Ещё через милю мы вышли на трассу, а поймать попутную повозку в Европе в любом времени не составляет большого труда, знаете ли.

В городе мы пересели в другую повозку, но уже с британскими номерами.

В общем, не прошло и суток, как мы добрались и до славного города Лондона.

06

– Патриция, что это? – Каннингем негодовал. – Что это такое? Почему фингал? Он тебе не идёт! У тебя была несложная, обычная задача. Ты должна была отправить парня и вернуться без приключений. А сделала всё с точностью до наоборот!

– Но профессор, тот парень...

– И слушать не желаю! Влипли в историю с этими... людьми! Я уже имел неприятный разговор с Мадам. Вы знаете, кто такая эта Мадам?

Профессор поправил свой парик.

– Эта Мадам – совсем не та мадам, которую можно вот так просто обвести вокруг пальцев и навесить лапши на её прелестные уши. Причём, лапши самого низкого качества, надо полагать.

Каннингем поднял правую руку с вытянутым указательным пальцем.

– Эта Мадам держит несколько казино в Макао, ведёт какие-то тёмные дела, и денег у неё столько, что хватит купить весь Лондон с пригородами. А теперь она требует от меня свои

деньги за аутиста обратно в десятикратном размере! Неустойка из-за вашего прокола! Тела-то нет! Хотя в договоре оно присутствует!

Мы молчали и слушали доброго руководителя. Его речь сопровождалась многозначительными жестами и сценическими движениями, какие любят делать в театрах для придания действию живости.

Я до сих пор считаю, что Каннингем мог бы украсить собой Бродвей или, на худой конец, «Голубой глобус», если бы выбрал актёрскую карьеру вместо карьеры безумного учёного-бизнесмена.

– А что я читаю в газетах?! Да, я читаю газеты, представьте себе! «Криминальная разборка на трассе... Полицейский офицер исчез или погиб... Преступников ищут!»! Вас ищут! Вы это понимаете?

– Мистер Каннингем, прошу Вас выслушать меня, – сказала Патриция.

Профессор махнул рукой.

– Я виновата. Но поймите, что у нас не было другого выхода, кроме как избавиться от парня. Мы рисковали жизнью, чтобы исправить дело и вернуться. Следов мы не оставили, но если я чего-то не учла или ошиблась – мне и отвечать. А вот с полицейским вышла замечательная история. Вам будет интересно...

– Вот как? А что такое?

Настроение профессора тут же изменилось. Он заулыбался.

– Ну говори, Патриция. Рассказывай! – сказал Каннингем и поправил свой чудесный парик.

Патриция рассказала про перевоплощение офицера в жуткую тварь и отдала камеру с записью.

– Я не успела его заснять, на полицейской камере видно, как чисто мы сработали. А если Вы читаете газеты, то уверена, что скоро прочтёте в них заметки типа: «В лесах Франции завелось чудовище, пожирающее всё живое» или «Мерзкая тварь угрожает жителям Амьена. Родители боятся выпускать детей гулять».

– Да, не хотел бы я повстречаться с ним где-нибудь в лесу. Или на пороге своего дома! – сказал Каннингем. – Хотя было бы весело! А? Патриция!

Они засмеялись – профессор смеялся до слёз. Так как мне было жаль-таки того парня, я лишь ограничился лёгкой улыбкой.

«В конце концов, сам виноват. Нельзя быть таким навязчивым», – подумал я и успокоился.

– Францию посещать пока что не будем, пока не уляжется, – сказал профессор. – Патриция, нужно внимательнее заправлять капсулы. Я сам буду это делать, а то с вами попадешь в историю, пожалуй. Мы должны быть уверены в нашем рабочем оборудовании, не так ли?

Патриция кивнула.

– Но зато в ходе вашего случайного эксперимента мы выяснили, что при неполном растворении объект не погибает, а принимает причудливые формы. Это очень интересно. Надо попробовать – хочу сам убедиться. Бартон, друг мой, принеси кролика! А вы – отдыхайте. Встретимся завтра – обсудим дела. Кстати, нас посетит сама Мадам.

Мы с Патрицией откланялись и уехали в нашу гостиницу.

Профессор настаивал, чтобы в Лондоне мы жили в одной каупоне, но в разных номерах. Спорить с Каннингемом мы не стали – сняли второй номер в «Гордом британце», где жил я.

Я как следует выспался, надел шикарный костюм, который привёз из Милана, и поступался в номер к Патриции.

Она открыла дверь, но была в халате, с закрашенным фингалом и с ватой в носу.

– Кровь носом. Не обращай внимания.

– Давление?

– В первый раз. Дерьмо!

Я уселся в кресло, а девушка ушла в ванную собираться на встречу с той самой Мадам.

Пока я ждал Патрицию, то заметил на полу, недалеко от двери, небольшую металлическую часть от чего-то такого, что не могу описать знакомыми словами.

Когда Патриция вышла из ванной, я поинтересовался, чем эта найденная железка может быть.

– Понятия не имею. Вчера здесь убиралась горничная и не могла оставить мусор на полу.

– Странно.

Я начинал ревновать, знаете ли.

– Думаешь, здесь был кто-то посторонний? Брось! Я была одна.

– Ладно, запишем в загадки, – сказал я, но положил железную деталь в большой карман пиджака.

Патриция надела длинное платье красного цвета и залезла на каблук.

На шее девушки появилось ожерелье, её пальцы обзавелись кольцами, а руки занялись маленькой сумочкой.

Патриция подошла к чистому зеркалу.

– Я сегодня при параде. Сама Мадам к нам прибудет – нужно соответствовать, Якоб.

– Ты прекрасна! – сказал я и не преувеличил.

– Да, пожалуй. Выгляжу неплохо. Синяка почти не видно.

В полдень мы были у Каннингема в замке.

Профессор тоже оделся как на приём у королевы – он был в смокинге и с элегантною бабочкой на шее.

– Ну что же, все в сборе. Она уже едет, скоро будет здесь, – сказал Каннингем.

Он задумался. Было заметным, что видный учёный волнуется – В тот день профессорправлял парик с завидной частотой.

– Это очень важная встреча – от неё многое зависит. И для вас тоже. Так что не думайте, что вас сюда пригласили, чтобы приятно провести время в солидной компании. Внимательно слушайте, что она говорит, но сами открывайте рот только когда спросят.

– Я хочу спросить, мистер Каннингем, – сказал я.

– Уже? Хорошо, спрашивайте.

– Почему она решила избавиться от пасынка? Чем безобидный аутист мог ей мешать? Я хочу понять её мотив.

– Понять хотите? Это делает Вам честь, мистер Гроот. Рассуждаете как учёный человек.

Профессор сел в кресло, предложил сесть и нам, поправил парик и закурил сигару. А мы с Патрицией развалились в мягких креслах и приготовились слушать профессора.

– Честно говоря, я и сам не понимаю. Но могу предполагать. Тот паренёк, которого вы... как бы это... расщепили, был сыном одного уважаемого месье, известного в Европе крупного инвестора, а по-совместительству – не менее крупного мафиози, если называть всё своими именами. Кстати, они с Мадам были в числе тех, кто пользовался и нашими услугами. Патриция помнит. Мы подбирали для них дырки посложнее – по их просьбе, конечно. Смелые люди, ничего не скажешь.

Профессор налил себе коньяку.

– Вам не предлагаю, чтобы не лягнули лишнего при Мадам.

Мы с пониманием кивнули.

– Однако я подозреваю, что Мадам каким-то образом причастна к смерти супруга. Точно я не знаю, но такие слухи ходили. Состояние месье оценивалось в миллиарды! Сами понимаете, деньги немалые, искушение настолько огромно, что не подлежит математическому вычислению. Но сын – тоже наследник. Вы улавливаете мою мысль?

– Вы всегда излагаете свои мысли с особой ясностью, – сказала Патриция.

– Не нужно лести. Я учёный – я просто обязан уметь доносить мысли до обыкновенных людей в понятной для них форме. Так вот, я думаю, что она решила избавиться от второго наследника. Зачем аутисту миллиарды? Способ, который она выбрала, можно объяснить соображениями гуманности. В знак уважения к почившему супругу, например.

– Уважения? – спросил я.

– Да. Такие широкие жесты популярны в той среде. Это не убийство, согласитесь. Но и наследник никогда больше ни на что претендовать не будет. Он просто будет жить другой жизнью в другом мире. Честно говоря, я поступил бы на её месте точно так же. Красиво, чётко возьми! И надёжно! Кто знал, что вам это дело окажется не по зубам?! Взяли, и всё испортили!

Я посмотрел на Патрицию, а она сохраняла своё спокойствие и смотрела на Каннингема.

– Но как же родственники того Месье и парня? – спросил я.

– Месье имел неосторожность перессориться со всеми своими родственниками. Многие из них потом таинственно исчезли. Без моего участия, прошу заметить. Теперь Мадам – одна из самых богатых и влиятельных людей в мире, и, если захочет, она намажет нас себе на бутерброд и съест.

– Это в каком смысле? В переносном, надеюсь? – спросил я.

– Мистер Гроот, в иных обстоятельствах я бы оценил Вашу шутку и с удовольствием пошутил бы вместе с Вами. Но то, что нас могут съесть и в переносном, и в буквальном смысле – наша новая реальность. Мадам очень недовольна. А у меня бизнес и научные открытия! Я слышу звук мотора. Пойду встречать.

Профессор вздохнул, встал, подошел к зеркалу, поправил свою бабочку и платок в кармане, не забыл про свой чёрный парик, и вышел из кабинета.

Мы с Патрицией подошли к огромному окну и увидели, как к дому подъехал роскошный лимузин нарядного белого цвета. Из него вышли двое в одинаковых белых костюмах – один был выраженным азиатом, а другой был чернокожим человеком.

Негр открыл заднюю дверь – из неё вышла та самая дама с азиатскими глазами, с которой мы встречались в Париже. Она так же была в шубе, но уже чёрного цвета, и украшена золотом.

Через минуту они, в сопровождении Каннингема, вошли в кабинет. Шубу Мадам отдала азиату, а тот передал её Бартону.

– Мадам, прошу Вас садиться. У Вас новые телохранители? Как мило! Я тоже не равнодушен к сменам обстановки. Это держит в тонусе.

Мадам села в профессорское кресло, а её телохранители остались у дверей.

– Чего-нибудь выпить? Итальянское вино 72-го года, коньяк из погребов Наполеона?

– Водки. Мистер Каннингем, я пью водку! Пора бы уж запомнить.

– Простите, Мадам, стариковскую забывчивость. Бартон, принесите водки для Мадам. Самой лучшей!

Пришёл рыжий дворецкий с веснушками вокруг вздёрнутого носа, поставил поднос рядом с гостьей и налил в рюмку холодную, с трудом покидающую маленький графин водку. На подносе лежал и нарезанный на аккуратные дольки лимон.

– Мистер Каннингем, выпейте сначала Вы!

– Я?

– Ты! В свете новых обстоятельств, полагаю, это не будет лишним. Расслабься, сними напряжение.

– Благодарю, Мадам. Я ценю Вашу заботу. Бартон, ещё одну рюмку!

Профессор взял рюмку с водкой и выпил глоток.

– Пей до дна!

– Я водку вообще-то не очень... но... в свете новых обстоятельств, как Вы говорите.

Каннингем осилил всю рюмку, занюхал сигарой и её же закурил.

Бартон принёс ещё одну рюмку и тоже наполнил водкой.

Мадам выпила, но к лимону не притронулась. Я заметил, что на каждом пальце на обеих руках Мадам было по кольцу или перстню.

Потом женщина достала из сумки инкрустированный камнями футляр, извлекла из него трубку и принялась набивать её табаком из мешочка, который находился в том же футляре.

Все молчали и смотрели как Мадам набивает свою чудесную трубку – это заняло у неё не более пяти минут.

К Мадам подошёл чернокожий телохранитель с золотой зажигалкой и она, наконец, закурила, а все остальные оживились.

– Итак, мистер Каннингем, ты не выполнил условия нашего договора.

– Мадам, к моему величайшему сожалению, это так.

– Где тело?

– Оно ушло туда, откуда и пришло – во Вселенную.

– Перестань, Каннингем! Если тело найдут...

– Его не найдут! Не беспокойтесь Мадам! Никогда не найдут!

– Хорошо. Я поверю тебе ещё раз. А что с моими людьми?

– Вышло недоразумение, Мадам. Или, скорее, недопонимание между Вашими людьми и моими подчинёнными. А вот, кстати, и они.

Каннингем указал в нашу сторону.

– Вы же знаете Патрицию. Она – профессионал в своём деле. Второй – её помощник. Позвольте им высказаться – выступить с раскаянием?

– У меня нет времени на пустой трёп. Вы лишили меня двух моих самых надёжных людей. Не знаю, как это удалось вашей Патриции, – вероятно, она действительно чего-то стоит. Но это не останется безнаказанным, Каннингем.

– Они готовы понести самое суровое наказание. Отрубить им головы? Выпотрошить? Замуровать живыми в стене моего замка? Уволить?

– Каннингем, прекрати своё словоблудие! Я хочу получить компенсацию за моральный и материальный ущерб. А так как Вы безнадежно бедны, профессор, то и взять с Вас нечего!

Профессор поправил парик и посмотрел в огромное окно. Это был тот редкий случай, когда Каннингем не нашёлся с ответом.

А Мадам выдержала небольшую паузу, но потом продолжила.

– Я могу разорить тебя и пустить по миру!

Едкий дым от трубки Мадам заполнил всю комнату, а попытка учёного человека продолжалась.

– Ты думаешь, за тебя кто-нибудь вступится? Какой-нибудь лорд, диктатор, или русский олигарх из числа твоих долбанных клиентов? Не тешься пустыми надеждами – в этом мире каждый сам за себя! Я могу растереть всех вас в пыль, или продать в рабство где-нибудь на краю света, и никто даже пальцем не пошевелит – все только молча вам посочувствуют.

Каннингем молчал.

– Но я не буду этого делать. Я хочу дать тебе шанс. Какой дала тому мальчику, которого Вы погубили! Ты – великий учёный, это бесспорно! И ты можешь быть полезным для деловых людей.

Профессор посмотрел на Мадам.

– Мне нужна половина от твоих доходов от аттракциона с перемещениями, а также информация обо всех твоих клиентах.

– И всё? Какой пустяк! О, Боже!

– Не всё, разумеется. Мне нужны также услуги по решению деликатных вопросов.

– Что Вы имеете в виду?

Профессор закурил следующую сигару.

– Есть люди, которые мешают мне заниматься моим бизнесом. Конечно, это не большая проблема, а свои проблемы, как ты знаешь, я решать умею. Но я не хочу, чтобы моё имя упоминалось в делах, связанных с этими людьми. Ты меня понимаешь?

– Как никто другой.

– Хорошо. Ты принимаешь мои условия?

– Ваши условия, Мадам, весьма интересны. Но они требуют глубокого осмысления.

– Мистер Каннингем, глубину осмысления оставьте для своей долбаной физики! А мне нужен твой ответ здесь и сейчас.

Профессор подошёл к окну, а его рука с сигарой дрожала.

– Бартон, принесите ещё водки мне и Мадам! Какая вкусная сегодня водка, не правда ли? Изумительно!

Пришёл Бартон, принёс запотевший графинчик с водкой и разлил приятный напиток в рюмки.

– Мадам, я согласен, – сказал Каннингем и выпил водки.

– Я так и думала, – сказала Мадам и тоже выпила, только на этот раз закусилась долькой лимона.

Затем дама затушила свою чудесную трубку и вытряхнула пепел с остатками табака на поднос.

– В Лондоне будет находиться мой доверенный человек, который свяжется с Вами для уяснения всех вопросов. Её зовут мадемуазель Ли.

Мадам встала, а верный телохранитель подал ей шубу, которую получил от огненно рыжего Бартона.

– Мадам, я был счастлив принимать Вас в своём доме. Надеюсь видеть Вас как можно чаще.

– Оставьте, мистер Каннингем.

Мадам вышла, но профессор не стал её провожать – он стоял у окна и смотрел на отъезжающий лимузин.

– К чёрту водку! Бартон, принесите коньяк! Тот, что подарил мне Наполеон. И три бокала!

Профессор разлил коньяк по бокалам, а мы с Патрицией снова сели в мягкие кресла.

– Наслаждайтесь! – сказал Каннингем.

Какое-то время мы сидели, молчали и наслаждались добрым коньяком. Надо признать, он был великолепен – Бонапарт знал толк в коньяках – к бабкам ходить не нужно.

Но наш профессор был подавлен, Патриция рассматривала свои ногти, а я получал удовольствие и ни о чём не думал.

Патриция получать удовольствие от коньяка Наполеона и уютного кресла не пожелала и прервала-таки нашу паузу.

– Что будем делать, мистер Каннингем? – спросила она.

– Что вы будете делать, или что буду делать я? Вы – выполнять мои указания, я – выполнять условия Мадам. Всё просто! А все вместе мы будем двигаться к долбаному краху!

Профессор вскочил и зашагал по комнате взад и вперёд – его понесло.

– Старая кикимора хочет меня полностью контролировать! Ну что ж... У неё, значит, бизнес, а у меня – «аттракционы». Стерва! Китайская морда! Половину доходов от моих «аттракционов»! Вы слышали?

Учёный закурил ароматную сигару.

Профессору пришло какое-то сообщение, которое он тут же прочитал.

– Завтра встречаюсь с этой мадемуазель Ли, или как там её... По-моему, все китайцы носят фамилию Ли! Ладно. Утро вечера, как говорится, мудренее. Не забывайте, что послезавтра у мистера Гроота – дебют. Перехода отменять не будем – чем быстрее он пройдёт ста-

жировку, тем лучше для нас всех. Нам очень скоро понадобятся Ваши крепкие нервы, мистер Гроот. А они у Вас там непременно укрепятся. Личностный рост Вам обеспечен.

Профессор усмехнулся.

– Однако не будем терять времени! Патриция, начинай его инструктировать! Вы свободны!

Мы оставили профессора наедине с его возмущением и вернулись в «Гордого британца».

Вечером мы решили пойти в дорогой ресторан, чтобы что-нибудь там отметить. Патриция предложила отметить мой день рождения.

– Раз всё закончилось благополучно, и тебя не растворили в Париже, а твои атомы не растеклись по Вселенной, то будем считать, что ты заново родился, – сказала она.

Я согласился.

Патриция в тот вечер шутила и была весела – вероятно, добрая девушка хотела меня взбодрить.

Я же был печальным, и почти не притронулся к фазану – съел лишь обе его ножки.

Якоб Гроот пил красное вино и слушал добрую музыку.

Меня ждала неизвестность, но она же и манила меня, и пугала, если вы понимаете, о чём я.

Всё в тот вечер походило на прощальный ужин – так мне тогда казалось.

Якоб Гроот был слабым, наивным, и слишком увлекался своими глупыми мыслишками, знаете ли.

07

На следующий день в гостинице Патриция меня инструктировала.

– Якоб, слушай внимательно и запоминай всё, что я тебе говорю. От этого зависит твоя жизнь. А может быть, и моя тоже. Завтра утром ты проглотить вот это.

Она положила на стол небольшую коробочку.

– Внутри – таблетка Каннингема. Она нагнетает необходимую энергию для перехода, после того как я её активирую.

Я открыл футляр – таблетка была обтекаемой формы и яркого зелёного цвета.

– Из чего она? – спросил я.

– Это знает только Каннингем. Я знаю только, что само вещество невозможно обнаружить в теле, а тем более в мёртвом теле – оно разрушаются. Поэтому никаких подозрений никогда не возникает, если турист не возвращается и тело его погибает. Обычно всё списывают на внезапную остановку сердца.

– А как происходит её активация?

– Я набираю код, и прибор отправляет команду на активацию. В этот момент тебе нужно сосредоточиться на себе и своих мыслях. Произойдет переход – твоё сознание переместится в иное время, тело останется здесь.

– Как я пойму, что переход случился?

– Почувствуешь. Откроешь глаза и увидишь другие декорации, услышишь другие запахи – всё будет иным.

– Какой век?

– Новичкам-туристам обычно предлагается девятнадцатый, чтобы не слишком теряться. Тебе, как способному стажёру, Каннингем выбрал семнадцатый. Ты должен показать себя! Проведешь там несколько лет и вернёшься. Не забудь принести с собой трофей!

– Трофей?

– Да. Какой-нибудь артефакт. Без него экзамен не засчитывается.

– Но как я протащу вещь через дыру, если там может просочиться лишь моё сознание?

– Всё просто. Ты спрячешь её в надёжном месте, а когда вернёшься – достанешь. Экзамен не только на выносливость и способность к выживанию, но и на воображение.

– Хорошо, что-нибудь придумаю, – сказал я.

– Прекрасно. Я в тебя верю!

Я налил красное вино в бокалы и один отдал Патриции.

– Почему новичков-туристов нельзя отправить поближе? Лет на 20 назад? – спросил я.

– Каннингем говорит, что это невозможно. Он ещё не находил ни одной дырки с таким коротким путём. Все они не меньше столетия. Профессор считает, что Высший разум не допускает таких парадоксов, как встреча с самим собой, например.

– Профессор верит в Создателя?

– Конечно.

– Никогда бы не подумал.

– Напрасно. Во Вселенной всё настолько красиво и продумано до мелочей, что не может быть простой случайностью. Так считают многие из учёных.

– А что думаешь ты?

– Я согласна с ними.

Я перечитал кучу книг, но сам в то время никогда об этом не задумывался, и в Создателя, конечно, не верил.

– Если мне сразу что-то не понравится, могу ли я сразу вернуть сознание обратно в себя?

– Нет. Дырка будет работать на выход. По расчётам Каннингема, на вход, то есть на проход сознания обратно в родное тело, она откроется примерно через 5-6 лет жизни сознания в прошлом. Всё это время твоему сознанию придётся пожить в оболочке Kewpie. Между телом и сознанием сохраняется связь. Здесь проходит всего лишь миг, хотя тебе, а точнее – твоему сознанию, будет казаться, что прошло 5 лет.

– Ты тоже проходила через эту дырку?

– Нет. Но она проверена, не беспокойся. Сам Каннингем переходил. И Мадам тоже. Она в Лондоне – далеко ехать не придётся.

– Каннингем? Он тоже был туристом?

– Был, конечно. Много артефактов сам же и добыл. Но перестал этим заниматься – говорит, что старым стал для таких путешествий. Но кто его знает? Может, переходит втихаря. Так что ты не думай, что Каннингем всего лишь слюнтяй-теоретик, который может только считать, да делать открытия, а потом продавать свои забавные услуги богачам.

– Я и не думаю, – сказал я, хотя так и думал.

– Каннингем способен на многое, поверь. И ни перед чем он не остановится.

Патриция посмотрела на свои ногти.

– Надо бы сделать маникюр, – сказала она.

Я замечал, что Патриция как будто побаивалась Каннингема.

– Когда почувствуешь, что ты там, сосредоточься и постарайся завладеть телом Kewpie. Тебе нужно полностью контролировать его. Пытайся двигаться как угодно тебе, а не ему. Управляй телом! Твое сознание будет бороться с сознанием Kewpie, но ты должен победить. Это не так сложно – прояви упорство и выносливость. Или не вернешься никогда.

Патриция посмотрела мне в глаза.

– Иначе не вернешься никогда. Иначе – смерть! – сказала она.

Но я почему-то не испугался, а подумал о том, каково было первому, кто отважился на такой смертельный трюк. Полная неизвестность и неопределённость! Этот аттракцион – не для слабонервных, как его ни покрути!

– Что дальше?

– Когда подавишь сознание Kewpie, осмотришь и попытайся понять в чьём ты теле. Ну, а дальше – живи, привыкай, наслаждайся, если получится.

Патриция усмехнулась.

– Kewpie будет делать попытки вернуть контроль над телом, но ни в коем случае не позволит ему сделать это. Иначе – что?

– Смерть?

– Она! Сначала твоё сознание будет сожительствовать с сознанием Kewpie, но не сможет управлять телом. А потом просто умрёт, потому что сознанию нужно самоосознание. А самоосознание – вещь упрямая и проявляется только через действие. Нет действия – нет сознания! Помрёт от скуки! Хотя на это могут уйти годы. В любом случае, оно погибнет со смертью самого Kewpie.

– И оставленное здесь тело тоже погибает?

– Конечно.

– Получается, что сознание в теле Kewpie также погибает, когда моё сознание устанавливает контроль над телом?

– Не сразу. Оно будет бороться, но если ты будешь настойчив – оно обречено. Если, конечно, ты надолго занимаешь его тело. Я думаю, что если срок небольшой – оно выживет. Хотя погибает оно или нет – никто не знает – проверить невозможно. Это теория.

Патриция налила нам ещё красного вина.

– Не нужно об этом думать – сойдёшь с ума. Просто делай как тебе говорят, и всё! Каннингом примет в дар твой артефакт, поставит зачёт и примет в команду. Для тебя главное – вернуться. Чтобы вернуться – будь в назначенное время в том же месте. Расслабишься и сознание само вернётся через дырку в родное тело и время. Так что не унывай. Первый раз трудно, потом привыкнешь! Это игра, в которой победитель получает всё!

– И тебя? – спросил я.

Патриция не ответила. Она допила вино и ушла в свой номер, а я лёг спать.

Утром я проглотил-таки таблетку Каннингема и мы отправились к профессору – так было заведено – он лично благословлял стажёров.

Как выяснилось, он не сообщал заранее точное время и место открытия дырки и время, через которое можно будет вернуться. Профессор предпочитал держать всех в неведении до самого конца.

– А вот и наш герой! Как настроение? Вижу – оно прекрасно! Патриция, ты хорошо его подготовила? Или нам снова придётся краснеть? Шучу, мистер Гроот. Шучу!

Мы расселись по креслам, а Каннингом сам откупорил бутылку вина и разлил его по бокалам.

– Испанское 83-го!

Он закурил любимую сигару и поправил свой чудесный парик.

– Итак. Я ещё раз напоминаю, что для успешной сдачи этого экзамена необходимо не только вернуться из этого тура, но и привезти с собой сувенир – он украсит мою коллекцию.

– Я помню, мистер Каннингом.

– Прекрасно. Теперь я могу надеяться на благополучный исход предприятия. Потому что наши дела с небезызвестной вам Мадам требуют и Вашего участия, мистер Гроот. Я намеренно не отменяю перехода, потому что этот вояж – своего рода инициация. А Ваш закалённый характер будет очень кстати в нашей борьбе.

– Борьбе? – спросила Патриция.

– Да. Это война! Я объявляю ей войну! Правда, самой Мадам я об этом пока говорить не буду, чтобы не дразнить лишний раз. Будем вести необъявленную войну.

– Вы объявляете Мадам не объявленную войну, сэр?

– Конечно! Я встречался вчера с её подручной мадемуазель... Ли, кажется. Всё время путаюсь в этих китайских фамилиях – они со скрипом ложатся на английское ухо. Симпатичная с виду девица, но стерва похлеще хозяйки! Нам будет не просто, друзья мои.

– Но почему война? – спросил я.

– Мистер Гроот, в иных обстоятельствах, Ваш вопрос я назвал бы, как минимум, неуместным и выставил бы Вас за дверь. Но так как Вам скоро будет не до меня с моей дорогой Мадам, и Вы будете озабочены лишь сохранением своей драгоценной жизни, то я Вас прощаю.

Я кивнул в знак уважения его справедливого решения, но профессор вскочил на свои ноги.

– Неужели Вы думаете, что я приму условия, которые мне предложила эта фурия? Во-первых, меня не поймут мои добрые клиенты, и я лишусь чести, если не жизни! Во-вторых, половина моего скромного дохода – это слишком много! На что я, по-вашему, буду финансировать свои исследования, содержать компанию, в том числе и вас? На что я буду жить, наконец? Я присмотрел отличный остров в Карибском море! Красота неземная!

– Мистер Каннингем, ваши аргументы – железные, – сказала Патриция.

– Нет, Патриция, они не железные, они – стальные! Я сверну ей шею!

– Есть ещё третий пункт, насколько я помню, – сказал я.

– Верно, мистер Гроот. Вашей памяти можно позавидовать. Она хочет моими руками расправиться с неугодными ей персонажами. Проще говоря, уничтожить их. А так как в роли моих рук выступаете вы с Патрицией, то вам и пачкаться! Хе-хе!

– Вы хотите, чтобы мы убивали людей? – спросил я.

– Не я хочу – Мадам желает! Но все, конечно, будут говорить, что это сделал я.

Я посмотрел на Патрицию. Она молчала и смотрела на профессора.

– Персонажи так себе. Мафиози средней руки, пытающиеся болтаться у Мадам под ногами и переходить ей дорогу в неудобное для Мадам время. Я даже думаю выполнить это условие.

Мы с Патрицией переглянулись.

– Да-да, вы правильно поняли.

– Но, сэр, я не готов становиться наёмным убийцей! – сказал я.

– Ну почему сразу «убийцей»? Мы не будем никого убивать – мы не злодеи. Растворитель Каннингема – лучшее средство для решения деликатных вопросов. Это не убийство – это возвращение к истокам, так сказать, – из Вселенной пришёл – туда же и вернулся. Это прекрасно. И мистер Гроот, я не люблю всякую бюрократию, но вынужден напомнить, что Вы подписали договор, по которому обязуетесь выполнять мои указания. Вы читали его?

– Вы не дали мне прочесть...

– Вижу, что правильно не дал. А там сказано, что, если Вы откажитесь, договор аннулируется и за Вашу жизнь никто не даст и ломаного гроша. Так и записано: «ло-ма-но-го». Я даже не буду растворять Вас! Это слишком просто. Я высажу Вас на какой-нибудь необитаемый остров с моей яхты, а таких ещё много на Земле, где Вас никто и никогда не найдёт. «Робинзона Крузо» читали? Будете так же доить коз и искать себе Пятницу. Но его спасли, а Вас не спасут! И сладкой Пятницы вам не видать, как ушей!

Я вспомнил слова Патриции о том, что Каннингем на всё способен, а Патриции я верил.

Затем профессор решил применить психологический приём, какой обычно используют вожди для внушения подопечным чувства единения с руководством.

Некоторые, например, начинают обращаться к плембу не иначе как «братья и сёстры», другие используют слово «друзья», – профессор Каннингем подошёл к вопросу со свойственной ему простотой.

– Дети мои, – начал он, – наша цель – выжить! Я нужен вам, вы нужны мне. Мы – единый организм в этом беспощадном мире! Я надеюсь, совсем скоро, сегодня, мистер Гроот станет полноправным членом нашей компании, хотя для него это «сегодня» растянется на несколько лет. Но эти годы не будут потрачены впустую – мистер Гроот, – Вы станете мужчиной!

Я встал на свои ноги.

– И только общими усилиями мы преодолеем все трудности, и я приведу и вас, и себя, к процветанию! Трудностей не нужно бояться! Я уверен, что каждому человеку просто необходимо время от времени окунаться в дерьмо, чтобы не терять связи с реальностью. И тогда мы сможем этой реальностью управлять! Победа будет за нами!

Эффектную речь Каннингем подкрепил слезами на своих глазах.

– Выпьем за победу!

Профессор откупорил ещё одну бутылку и разлил вино по бокалам.

Затем он вытер глаза, поправил свой парик и закурил толстую сигару.

– Ну как? – спросил он.

– Великолепно! – сказала Патриция.

– Надеюсь, я убедил Вас, мистер Гроот?

– Убедили, мистер Каннингем, – сказал я правду.

– Я рад, что у Вас улучшилось настроение. Правильное настроение – это важное условие в нашем деле. Да и в любом другом деле, пожалуй, тоже.

Каннингем подошел к огромному окну, а за окном шёл дождь.

– Выполнение третьего условия даст нам некоторые преимущества. Во-первых, мы сможем протянуть время. Во-вторых, в глазах приличных людей я сделаюсь борцом с мафией. Среди моих клиентов есть люди, которые оценят мой порыв. Мнение этих людей важно для нашей компании. В-третьих, это будет тренировкой перед решающей битвой. Учениями, если переходить на язык военных. Это война, господа! Или я, или она! Я так решил!

Мы молчали, а дождь шёл.

– Однако вам пора. В 4.32 вам нужно быть на Пикадилли. Там найдёте ресторан одного безумного русского, недалеко от станции Green Park. Дырка находится в том ресторане. Точные координаты и время обратного перехода вышлю через 10 минут. Удачи! Встретимся вечером!

На таксомоторе мы доехали до ресторана и в его дверях нас встретила милая девушка.

Посетители считались десятками, столики были заняты, и Патриция попросила подыскать нам столик на втором этаже, и не у окна, а в глубине помещения.

– Мог бы заказать столик, старый хрен, – проворчала Патриция, но я услышал-таки её.

Мы должны были соблюдать положение по координатам, которые выслал Каннингем вместе с указанием точного количества дней до обратного перехода.

Нас провели по чудной резной лестнице на второй этаж, но столик, который был ближе всего к дырке, тоже был занят – за ним сидела молодая, но красивая пара.

Мы расположились за соседним столиком – он был таким же, но нас, как вы понимаете, всё равно не устраивал.

– У нас есть 12 минут, – сказала Патриция и лёгким движением своей прелестной ручки показала на нужный столик с красивой парочкой.

Я понял её намёк, дождался, пока девица за столиком поднимет бокал с вином, спросил у доброго слуги, где находится уборная комната, встал и рванул по направлению к сортиру.

Конечно же, я задел чудесную девицу – вино выплеснулось из бокала на её дорогое платье, а я рассыпался в извинениях.

Воспитанная в лучших английских традициях, пара была опечалена, но с завидной тактичностью поведала всем о том, что и так собиралась уходить. И пока я прятался в сортире, они оплатили-таки свой счёт и ушли, чтобы мы смогли пересесть за нужный нам столик.

– Bravo! – сказала Патриция. – Ты делаешь успехи, Якоб!

Я не помню, что заказал, – по-моему, фазана.

Патриция сказала, что здесь самый большой выбор вин и заказала самое дорогое, чтобы отметить моё предстоящее возвращение.

– Ты будешь меня ждать?

– Я не успею об этом даже подумать, – сказала Патриция.

- А если я не вернусь?
 - Скоропостижная смерть в ресторане после посещения туалета – владельцев затаскают по судам!
 - Смешно, – сказал я, но улыбаться не стал.
 - Помни, что у тебя есть цель – ты должен вернуться. Так будет легче, поверь.
 - Моя цель – это ты, – сказал я и взял Патрицию за руку.
 - Не забывай отсчитывать дни. Если не узнаешь текущую дату сразу, то надёжнее всего воспользоваться узлами на верёвке. Но непременно нужно вычислить дату возвращения! Ты запомнил сколько дней до обратного перехода? Ещё раз проверь!
- Я ещё раз прочитал послание Каннингема, а Патриция посмотрела на свои чудесные часы.
- Пора! Закрой глаза и сосредоточься. Как почувствуешь, что перешёл, – старайся взять тело под свой контроль! Подави сознание долбаного Kewpie! Удачи!
 - До встречи, Патриция. Я вернусь! Я обязательно вернусь!
- Якоб Гроот закрыл-таки свои глаза и провалился в прекрасную неизвестность.

Часть 2

01

Время растянулось как мыльный пузырь – сначала я ещё слышал голоса людей в ресторане, потом они стали говорить всё медленнее, и медленнее, и медленнее, и ещё медленнее.

Помню, я почувствовал необыкновенную лёгкость, какую до тех пор никогда не чувствовал.

Потом как будто убавили громкость, кто-то ругнулся, и всё стихло в один момент – казалось, что я уснул.

Но я что-то проглотил и тут же пришёл в себя.

Я увидел перед собой стол – но не тот, за которым сидели мы с Патрицией – новый стол был простым и большего размера.

Помещение было тёмным и, поэтому, показалось мне мрачным – пара-тройка тонких свечей, которые находились в центре стола, едва освещали его.

На столе, кроме дешёвых свечей, стояли глиняные кружки и тарелки, и я как будто ел из одной – на тарелке, которая была под моим носом, лежало что-то скользкое и не пахло.

Честно сказать, запах, который бил в мой нос, выдавал завидную близость столовой и сортира – видать, он-то и перебивал запах еды.

Со мной за чудесным столом сидели люди. Поначалу я не разглядел лиц, но зато услышал их детские голоса – они говорили на каком-то языке, которого я не понимал.

– Хватит! И говорите по-английски! – сказал я чужим голосом.

Я не собирался говорить – это получилось само собой, пожалуй.

Я тут же вспомнил слова Патриции и принялся шевелить руками, ногами и языком.

– Что за чёрт! – сказал голос.

Конечности меня не слушались, хотя я старался двигаться изо всех сил.

Когда получилось пошевелить большим пальцем на ноге, я вскрикнул от радости.

Голос был не моим, конечно, но я всё равно был счастлив.

– Джон, что с тобой? – спросил женский голос.

У меня мелькнула мысль, что женщина в комнате может быть женой – такое, как вы знаете, случается с лучшими женщинами. Ну, или с настойчивыми – по-разному бывает.

Но я всё ещё не замечал лиц, потому что был увлечён борьбой с хозяином тела за то самое чудесное тело.

– Я не знаю. Я не могу пошевелиться! – сказал чужой голос.

– Ты же размахиваешь руками! – сказала женщина.

Да, я махал руками, и своими резкими взмахами я скинул тарелку и кружку со стола.

Кевриэ был в смятении и растерялся. Я чувствовал его волнение – он был готовым паниковать, не иначе.

– Это не я! – сказал Кевриэ.

– Заткнись! – сказал я тем же самым голосом.

Я вскочил на ноги Кевриэ.

Со стороны, вероятно, всё это выглядело странным и нелепым, и в более поздние времена стало бы предметом изучения психических лекарей, но я вовремя смекнул, что нахожусь там, где чудить не рекомендуется.

– Всем молчать! – сказал я и стукнул кулаком по столу.

Я почувствовал, что тело меня, наконец, слушается.

Активность моего Кевриэ с этого момента выражалась в лёгких подёргиваниях головы и пальцев, а когда он хотел что-то сказать и открывал рот, я тут же рот закрывал – у нас получались звуки, которые были похожи на старческие причмокивания.

Но я не обращал внимания на пустяки, как вы, наверное, понимаете – я ликовал. Случилась победа! Моя первая победа над Kewpie! Он был повержен, а я выполнил свою первую задачу!

Я почувствовал себя хозяином своего положения, осмелел, сел на стул и положил свои руки на стол.

– Всё нормально, – сказал я. – Что у нас на завтрак? М-м-м.

Теперь можно было разглядеть лица сидящих со мной за тем столом людей – я очутился в компании рыжеволосой женщины лет тридцати, которая склонялась-таки к полноте, и двух детей школьного возраста – мальчика и девочки. Все трое уставились на меня и, по какой-то причине, недоумевали – об этом говорили их открытые рты и испуганные взгляды, в которых смешались страх и удивление.

– Джон, у нас ужин, – сказала женщина.

Я не знал как себя вести. Нужно было откликаться на имя "Джон", как я понял, и я решил довериться своей интуиции.

– Тем лучше, – сказал я. – Поддай мне чего-нибудь! Но не то, что было!

Женщина встала, собрала осколки битой посуды и принесла мне новую тарелку. Пока жена Kewpie ходила по кухне, я успел её рассмотреть – она показалась мне опрятной, не пахла потом, а платье было простым и чистым. Волосы женщины были заплетены в косу средней длины. А вот ног, к сожалению, видно не было из-за длинного подола.

Я подумал, что с женщиной мне повезло – а это уже пол-дела, знаете ли. Так мне тогда казалось.

Симпатичная жена положила мне в тарелку какие-то овощи и крохотный кусок мяса. Наверное, мясо было фазаньим – сейчас уже не помню.

Я подумал, что раз есть мясо, то дела мои хорошие и я могу позволить себе расслабиться и поесть.

Но, хотя и не успел поесть в ресторане с Патрицией, голода я не чувствовал.

– Помолимся? – спросил я почему-то.

Повисла короткая пауза.

– Джон, как ты себя чувс...? – спросила женщина.

– Я чувствую себя прекрасно! – сказал я.

Kewpie что-то сказал на незнакомом языке, я его не понял и тут же прищучил собаку.

– Теперь мы говорим только по-английски. Ты сам так сказал! – сказала жена.

Тогда я не придал значения этой фразе.

– М-м-молодцы, – сказал я.

Настоящий Джон тоже хотел что-то сказать, но я не позволял ему вольностей.

– Заткнись! – сказал я.

– Мы лучше пойдём спать, – сказала жена.

Она увела напуганных детей наверх по узкой лестнице, а у меня появилось время изучить нового себя и то место, где я оказался.

Комната, которая была и кухней, и столовой, была небольшой, а по центру стояли деревянный стол и четыре стула. У стены пристроился комод с посудой и припасами какой-то скудной еды, а на каменной печи стояла сковорода. Печь уже остыла и тепла не отдавала.

На мне была чистая белая рубаша с широкими рукавами и бежевый жилет, в кармане которого я нашёл маленький ключ.

Ноги были обуты в кожаные туфли, но меня более порадовали и удивили широкие штаны с пуговицами длиной чуть ниже колена и какие-то смешные колготки, которые носил мой милый Kewpie.

Я нашёл-таки небольшое зеркало у двери и принялся рассматривать своё новое лицо. На вид мне было лет 35, не более. Рыжие волосы завивались и свисали почти до самых плеч.

Телосложение у Кевриэ было средним – живот, правда, уже начал выпирать наружу, но это меня не расстроило, так как приятеля ещё можно было разглядеть с завидной лёгкостью без помощи чистого зеркала, а это добрый знак, знаете ли.

Лицо мне досталось грубоватое, скуластое, но на совесть выбритое. Я остался доволен новым лицом, да и всем остальным, пожалуй, тоже, кроме нарастающего живота, – я решил, что избавлюсь от него во что бы то ни стало.

В тот вечер я сделал вывод, что я не нищий, но и не богатый человек, а, возможно, даже отличный семьянин. А пожить пару тысяч дней в качестве главы семейства, иметь на столе мясо и кров над головой – разве это трудная задача? Раз плюнуть, не так ли?! Так я думал тогда.

Мне оставалось лишь привыкнуть к лёгкому домашнему смраду и получать удовольствие.

Я нашёл небольшую бечёвку, завязал на ней первый узелок, как советовала Патриция, и спрятал её в карман своего чудесного жилета.

За окном с грохотом проехала карета. Послышались крики и ругань – ругались добрыми словами, смысла которых я не понимал, но догадывался об их назначении по выразительной интонации. Я решил, что мой английский, вероятно, следует подтянуть.

Я приоткрыл входную дверь и выглянул наружу. А там – тусклые и редкие фонари освещали лондонские окрестности. У соседнего дома промелькнула пара-тройка быстрых и размытых в ночном и прохладном воздухе теней.

На другом конце улицы я увидел очертания особняков.

Хоть воздух и был по-осеннему холодным, но свежесть его нарушалась-таки запахом конского навоза.

Выход «в свет» я решил отложить до утра, и на всякий случай закрыл дверь на засов – так спокойнее, знаете ли.

Я прошелся по комнате, нашёл сортир – он был огорожен тонкой ширмой с задорным рисунком. Сортиром здесь я называю стул с дыркой, под которым стоял большой глиняный горшок, но с ручками. Он был полным, и чудесный, но навязчивый запах из горшка распространялся по всему дому.

У меня, конечно, возникло желание вылить содержимое горшка куда-нибудь, но я не придумал куда. Я читал, что когда-то горшки опустошались на улицу, но в тот вечер такое, казалось бы, простое действие представлялось мне диким, и я решил не суетиться и наблюдать – не хотелось навлечь неприятности в первый же день моего пребывания в том чудесном месте.

Рядом с туалетом находился умывальник – таз, кувшин с водой и деревянное ведро, но уже пустое. На полке лежали расчёска, бритва и какие-то штуки, о предназначении которых я мог лишь догадываться.

На второй этаж я подниматься пока не стал, но в буфете нашёл початую бутылку с каким-то крепким вонючим напитком. Я тогда ещё в них не разбирался, но это был, по-моему, джин, и мне захотелось его выпить. Я сел за стол и глотнул из горла той чудесной бутылки. Вкус показался мне отвратительным, но я пил, потому что хотелось пить.

Потом одна свеча на столе потухла. Затем вторая. Пока затухнет третья свеча, я не дождался, знаете ли.

02

Меня разбудил стук в дверь.

– Мистер Сэндлер! Элизабет! Это я, откройте! – сказала женщина.

Я сидел за столом в обнимку с пустой бутылкой. Голова моя раскалывалась – похоже, джин тогда очищать ещё не научились. А может, Кевриэ сэкономил и купил самый дешёвый? Как бы то ни было, я пожалел о своей вчерашней слабости. Бутылку я почему-то поставил под стол, встал, подошёл к двери и отодвинул засов. Потом вдохнул смрадного домашнего воздуха и открыл дверь.

– Здравствуйте, мистер Сэндлер.

Передо мной стояла худая женщина с глиняным кувшином и впалой грудью, а за ней – старая телега, в которую запрягли тощую лошадку – казалось, ветер свалит её и она тут же сохнет. Ветерок кобылку не свалил, но зато принёс бодрящий запах ароматного свежесваленного навоза.

– Что Вам угодно? – спросил я.

– Мистер Сэндлер, что с Вами? Вы меня не узнаете?

Я присмотрелся – я не привык видеть людей такими высокими. «Этот мистер Сэндлер низковат», – вероятно, подумал я тогда.

Настоящий Сэндлер ожил и попытался высказаться.

– Них... – начал он.

Но я тут же осадил говорливого засранца. Пришлось, правда, напрячься, но, похоже, Кевриэ тоже был не в лучшей своей форме и не настаивал на продолжении нашей ментальной схватки.

– Узнаю, – сказал я.

Добрая женщина смотрела на меня, а я смотрел на неё.

Она чего-то ожидала, но я не мог сообразить, что мне делать. Неловкость ситуации нарушила моя новая жена, которая появилась в ночной рубашке.

– Здравствуй, Джейн!

Женщины обменялись кувшинами – жена отдала пустой, а Джейн выдала ей заполненный тёплым молоком и всучила жене свёрток с маслом. Попрощались женщины добрыми английскими словами.

– Ты пьян? – спросила меня моя новая жена.

– Выпил немного. Вечерком.

И тут мне захотелось женского тела, знаете ли. То ли оттого, что оно было в ночной рубашке, то ли алкоголь возбудил гормоны Сэндлера, а они повлияли на моё сознание. А может, новая жена меня самого привлекала? Такое тоже может быть, скажу я вам. В конце концов, я был её супругом и имел полное право на ласковый интерес.

Я закрыл дверь и прижал женщину к себе. Она начала сопротивляться.

– Джон, ты пьян и от тебя воняет! Перестань! Фу!

Я не отступал.

Настоящий Сэндлер снова активизировался – он принялся мычать, а я боролся и с женой, и с наглым Кевриэ.

– Заткнись! – сказал я Сэндлеру страшным низким голосом, который испугал даже меня самого.

Жена приняла это требование на свой счёт и тут же перестала сопротивляться. Сэндлер тоже куда-то делся, а я решил, что нашёл-таки подходящее слово для лёгкого общения с моей новой семьёй.

Жена Сэндлера была первой женщиной, с которой я получил настоящее интимное переживание. И хотя тело Якоба Гроота осталось не у дел, потому что сидело в тот момент в ресторане с другой женщиной, разум получил удовольствие в полной мере. Это меня впечатлило, пожалуй.

Потом я размышлял об этом удивительном парадоксе, и не знал, засчитывать ли такой вариант близости или продолжать считать себя невинным до включения в процесс собственного тела.

Я пришёл к выводу, что для зачёта требуется два полноценных субъекта, то есть тело каждого из них должно иметь собственное сознание. Проще говоря, нужно сознание со своим телом, которое подарено богами, а не взято напрокат у маломерного англичанина.

В общем, я решил не засчитывать такие случаи, когда условия полноценности не были соблюдены. Раз тело не моё, значит – это не совсем я, или совсем не я. Тем более, я был влюблён в Патрицию, сами понимаете.

Жена затопила печь, вынесла куда-то ведро с нечистотами и приготовила завтрак – овсяную кашу. С тех пор мы почему-то всегда ели на завтрак овсяную кашу.

Какой-то мужик с невымытыми волосами и в сапогах, которые были измазаны дерьмом, принёс два деревянных ведра с водой. Я попросил его приходить ко мне и приносить воду в чистой обуви. Он пообещал, и я отдал мужику пару-тройку мелких монет, которые нашёл в кармане штанов. Водонос в тот день ушёл от меня счастливым.

А к завтраку вышли дети Сэндлера.

У меня было отличное настроение – мне нравилась моя новая роль главы семейства.

Я объявил семейству, что молиться мы не будем и принялся есть кашу – она показалась мне великолепной.

Жена Сэндлера смотрела на меня как на спятившего, а его дети выглядели спокойными и почёсывались. Надо сказать, все трое ели без особенного удовольствия.

– Чего грустим? – спросил я и тоже почесался. – Может сходим в баньку?

Повисла пауза.

– Мы мылись, – сказала жена.

Я решил не настаивать и заткнулся, а потом попросил добавки каши.

После завтрака какая-то женщина увела детей в школу, а жена Сэндлера исчезла на втором этаже.

Я задумался над тем, как мне выяснить, чем я занимаюсь и на что мы живём, а главное – узнать календарную дату. Если спрошу напрямую, думал я, Элизабет, или Сара, – честно говоря, я не помню как звали стерву, – решит, что я безумен, и тогда я могу потерять шанс на возвращение в ресторан к Патриции.

Я поднялся на второй этаж.

Там была одна комната, которая использовалась Сэндлерами как спальня. В ней стояли две кровати – одна широкая и одна узкая. Жена Сэндлера сидела на одной из кроватей, молчала и вязала, а я решил не навязывать её своё общество и вернулся на кухню.

Вечером вернулись дети, мы поужинали и пошли спать.

Оказалось, что моё место на узкой кровати, а жена спала с детьми на широкой. Я не понимал в чём дело, но решил не менять установившийся порядок и наблюдать.

Ночью меня мучили клопы, знаете ли. Я чесался и страдал от бессонницы.

Утром я нашёл на теле красные пятна в невообразимом количестве и взгрустнул – мысль о том, что так будет каждую ночь, меня не на шутку расстроила.

Но зато под своим матрацем я нашёл кошелёк, который был набит монетами – я насчитал больше пятидесяти шиллингов. Удача меня тут же взбодрила, как вы, наверное, понимаете. Деньги, вообще, бодрят – вероятно, это их главное свойство.

Прошло два или три дня.

Мои попытки общения с женой даже по бытовым вопросам с треском проваливались, потому что она ограничивалась лишь двумя словами – «да» и «нет». Причём второму слову она отдавала явное предпочтение.

А у меня в ответ не возникало желания приставать к ней с ласковыми предложениями – даже намекать на близкие отношения не хотелось.

Зато наличие в доме разумных детей-школьников прояснило ситуацию со временем – они не удивились моему вопросу, а подумали, что я их экзаменую. Мелкие Сэндлеры с удовольствием рассказали, что мы в 5421 году в месяце хешване, знаете ли.

Но ничего удивительного в этом ответе не было – ребятишки посещали школу при синагоге. Да, Сэндлер оказался евреем, и я не знал радоваться мне этому факту или огорчаться.

Еврейский календарь я не понимал – мне пришлось попотеть, но с помощью детишек и богов, я высчитал дату возвращения и вытащил-таки из кармана бечёвку.

Жена Сэндлера всё время куда-то уходила, а я не спрашивал её куда.

Два следующих дня я наблюдал и размышлял как мне быть, но так и не придумал чего-нибудь путного. А из дома я выходить всё ещё опасался – полагаю, вы меня понимаете.

Но у меня не было никаких развлечений, и это печалило меня со страшной силой.

Каждый день повторялось одно и то же: молочница приносила молоко, грязный мужик приносил воду, дети уходили в школу, жена молчала и вязала, или огрызалась, мы завтракали и ужинали, а я ни на градус не приблизился к разрешению загадки.

Но загадка решилась сама собой с приходом джентльмена с большими усами. Ему было не больше тридцати, он постучал в дверь, а я взял и открыл её.

Мужчина вошел в дом и сел за стол без всякого приглашения. Судя по его манерам, длинной шпаге и дорогой одежде, он был богатым человеком, вероятным аристократом.

Я сел напротив внезапного гостя.

– Мистер Сэндлер, сколько я Вам должен? – спросил гость после недолгой, но всё же паузы.

Я не нашёлся с ответом, но новость о том, что мне что-то должны, была приятной.

Я молчал и искал выход из своего глупого положения – назвать слишком большую сумму не позволяла совесть, а слишком малую – жадность.

– М-м-мало! – проснулся настоящий Сэндлер.

– Сделайте милость, изъяснитесь прозрачнее. Я спешу и не желаю излишне утомляться! – сказал гость.

Я подавил Kewpie, но он успел дёрнуть головой, как дёргают лошади. Гость не смутился.

– Вы должны мне что-то около... пятисот фунтов, – сказал я наугад.

– Пятисот?

Гость по какой-то причине разозлился и покраснел как солнце при закате.

– Ну, может,... четырёмсот, – сказал я.

Джентльмен готов был взорваться и схватился за свою длинную шпагу. Моё сердце увеличивало обороты – кровь ударила в голову Сэндлера.

– Вы должны ему сто двадцать фунтов вместе с процентами, милорд.

Это сказала моя немногословная рыжая жена. Она стояла на лестнице в платье, которого я ещё не видел – оно показалось мне праздничным и дорогим.

Неблагодарный гость увидел женщину и тут же успокоился. Мне даже показалось, что он обрадовался.

– Да, милорд. Ровно сто двадцать фунтов, – сказал я.

Жена спустилась вниз, достала зелёную стеклянную бутылку из комода, поставила перед прищельцем стакан, вытерла его тряпкой и наполнила содержимым бутылки – я не знаю что это было, так как мне она выпить не предложила.

Гость что-то выпил и поблагодарил жену Сэндлера. Та с улыбкой удалилась в спальную комнату, а любезный джентльмен проводил её взглядом, но потом устался на меня.

А я молчал и смотрел на него, и ждал.

– Я отдам Вам эти деньги не позднее следующей осени. Я отправляюсь в экспедицию в Гвинею. Сейчас негры в цене. Вернусь – рассчитаемся.

– Хорошо, милорд. Как Вам будет угодно.

Я встал на ноги – не хотел затягивать с расставанием, знаете ли. И гость тоже поднялся.

– Мистер Сэндлер, мне нужно 10 фунтов, – сказал он.

Я не знал где их взять, но отказывать доброму гостю тоже не хотелось.

А вы знаете, что у этих аристократов на уме? «Проткнёт шпагой Сэндлера, – а я больше не увижу Патрицию», – вероятно, думал я тогда.

– Милорд, зайдите завтра, я подготовлю для Вас.

– Но они нужны мне сегодня!

– Дорогая, принеси 10 фунтов, будь так любезна. Это для нашего дорогого гостя, – сказал я так, чтобы услышали наверху.

Я хотел поскорее избавиться от этого милорда – полагаю, вы меня понимаете.

Жена Сэндлера вышла на лестницу.

– Я не знаю где ты хранишь деньги, – сказала она.

– Милорд, зайдите завтра, очень Вас прошу. Мне нужно уладить кое-какие дела.

– Хорошо, я зайду вечером! Завтра! Вечером! Сэндлер! Ты слышишь?

Я кивнул, а добрый джентльмен с длинной шпагой ушёл.

Я запер за ним дверь, сел за стол и задумался.

Итак, выяснилось, что Кewrie, по всей видимости, был ростовщиком. Вероятно, думал я, этот аристократ – не единственный клиент Сэндлера, и мне нужно было искать тайник, в котором тот прятал деньги. Я догадался, что ключ в кармане жилета лежал там не случайно, тем более, что он не подходил ни к одному замку в доме.

Следующим утром я дождался пока дети уйдут в школу, дал Жене пару-тройку шиллингов и отправил за обновками. В тот день она казалась счастливой и даже любезничала со мной.

Пока я был в доме один, я обыскал весь первый этаж, спальню, но денег не нашёл.

Я поднялся на чердак – там валялся пыльный хлам, но монет не было.

Я полагал, что вряд ли Сэндлер прятал деньги вне дома, поэтому продолжил поиски. Я обстучал стены, пол, потолки, но снова не нашёл того, чего искал.

Вы, наверное, решите, что я отчаялся и плюнул на деньги? Нет! Напротив, пока я занимался поиском денег, желание воспользоваться капиталом Сэндлера выросло до невероятных размеров, и я знал, что рано или поздно всё равно найду клад доброго ростовщика.

Потом пришёл чей-то слуга и отдал мне долг какого-то господина, а я вздохнул с облегчением.

Вернулась жена, но надела новое платье, которое купила-таки на выданные мной шиллинги, и снова куда-то ушла.

А вечером пришёл усатый и любезный должник с длинной шпагой, получил свои 10 фунтов и, ко взаимному удовольствию, свалил. Я запер за ним дверь и пожелал ему не возвращаться из Гвиней никогда.

Но деньги ростовщика не давали мне покоя, знаете ли. И ещё меня мучили вопросы. Если у Сэндлера водились фунты, то почему мы жили в стеснённых условиях? Почему не было обеда? Почему порции мяса были такими скромными? На эти вопросы я ещё ответить не мог.

В субботу я впервые ступил за порог дома Сэндлера. Избежать того чудесного обряда я, пожалуй, не мог – мы пошли всей семьёй в синагогу.

Я надел выходной костюм Сэндлера – он висел в шкафу в спальней комнате, а мой милый Кewrie не протестовал.

За прошедшую неделю я научился надевать модные кальсоны и нашейные банты, но на людях испытывал некоторую неловкость за свой непривычный наряд, хотя все горожане были одеты так же, как и я.

Улицы Лондона меня не удивили – кое-где они были мощёными добрым камнем, а на некоторых и пезантские телеги и кареты знатных господ утопали в грязи.

Нечистоты вываливались прямоком на улицу и чудесные запахи с непривычки удушали.

Если я старался обходить навозные кучи, то лондонцы этим не утруждались.

Кареты на любой вкус – простенькие и шикарные, большие и поменьше проносились с бешеной скоростью – приходилось даже уворачиваться, иначе пришлось бы валяться в навозе и хрипеть в беспомощности.

Со мной здоровались многие прохожие люди, причём, делали это с особенной и нарочитой учтивостью, а я тут же подозревал в них долбанных клиентов Сэндлера.

В Лондоне того времени было множество строек – богатые особняки вытесняли жалкие лачуги, а город, по всей видимости, разрастался с невиданной скоростью.

И у христианских церквей, и у синагоги, как муравьи, роились нищие и разные английские оборванцы. Они требовали милостыню и я дал им пару-тройку звонких монет.

Голодранцев было такое количество, что приходилось применять силу и пробивать себе путь.

Некоторые знатные христианские прихожане использовали для этого шпаги в ножнах – они били ими нищих как палкой, а так как у меня шпаги не было, и быть не могло, потому что евреям шпага не полагалась, то в какой-то момент попрошайки так озлобили меня своим наглым поведением, что я принялся пинать их ногами – ноги евреям иметь не запрещалось.

Какая-то беззубая грязная старуха жестом пожелала мне смерти на колу, а жена Сэндлера отвесила доброй, но пожилой уже женщине оплеуху, да такую, что если бы у бабки оставались ещё какие-нибудь зубы, то они вылетели бы со свистом. Вероятно, беззубость старухи была следствием её дурного характера.

Такие диковинные нравы и образы удивили меня в тот день, но я, конечно же, не подавал вида.

03

Как сейчас помню, евреи молились на первом этаже большого здания в Сити, недалеко от Тауэра.

Мы разделились – жена с дочкой пошла в женскую молельню, я с сыном Сэндлера – в мужскую.

Я повторял за другими евреями всё то, что делали они, и провёл время с удовольствием – других развлечений я тогда себе ещё не нашёл.

После службы какой-то незнакомец сунул мне в руку записку и скрылся в толпе. Секретность тут же заинтриговала меня.

Но в то же время я опасался, что разгадка тайны может погубить мою миссию и меня вместе с ней. Не прошло и недели, как я поселился в доме Сэндлера, а уже появились какие-то секреты и загадки! Я начинал волноваться – полагаю, вы меня понимаете.

Я отошел в сторону и прочитал записку. А в ней аккуратными каракулями были выведены слова: «Сегодня в полночь».

Я выругался, потому что нехорошее предчувствие овладело мной в одно мгновение, но делать было нечего – в ожидании полуночи я провёл остаток дня.

Жена и дети скрылись на втором этаже, чтобы отойти, наконец, ко сну, а я сидел на кухне, смотрел в окно и томился беспокойным ожиданием.

В окне были видны силуэты редких прохожих и карет, а потом пришла тишина.

В дверь постучали, а я взял и спросил, кто там за дверью.

– Мистер Сэндлер, откройте, это я, – сказал кто-то там.

– Я никого не жду, – сказал я и заволновался ещё сильнее.

– Бросьте валять дурака! Открывайте!

Я открыл-таки долбаную дверь, а в дом влетел мужчина, и тоже со шпагой на своём поясе, как и предыдущий клиент Сэндлера. Одет он тоже был как аристократ, и был, пожалуй, постарше Сэндлера на пару-тройку десятилетий.

– Что за шутки, Джон? Вас ведь предупредили!

– Простите, я уснул.

– Сейчас придут остальные. Закройте окно!

Я закрыл окно деревянными ставнями.

– Ваши спят?

– Да.

– Прекрасно.

Мы сели, а незнакомец зажёл ещё пару-тройку свечей к тем, что уже горели.

– Я понимаю, Джон, что Вы экономный человек. Это похвально. Но зажигайте больше свечей – нельзя жить во тьме!

А Сэндлер был экономнее, чем думал тот джентльмен, скажу я вам. Но об этом знали лишь сам ростовщик, его семья и Якоб Гроот.

Потом пришли ещё двое ночных посетителей – один молодой и тоже со шпагой, другой постарше, но в одежде священника.

Все гости сели за стол и говорили вполголоса, а я почувствовал себя вовлечённым в какое-то серьёзное и опасное дело – хотелось бежать.

– Господа, мы собрались, чтобы обсудить наши дела в Йорке. Меня беспокоят обыски у наших братьев, – сказал первый гость, – Аббат Николсон только что вернулся из Йорка.

Он указал в сторону священника.

– Да, Карл ищет повода разделаться с нами. И ему это удастся, если мы не усилим наши позиции в Лондоне.

– Этот долбаный ублюдок ещё ответит нам за Кромвеля! – сказал самый молодой гость.

Двое старших переглянулись, а я подумал, что участие в таких посиделках может закончиться виселицей.

– У Вас есть предложения? Если так, то выкладывайте, – сказал первый гость человеку в сутане.

– Есть мыслишки. Полагаю, нужно продвинуть наших людей в правительство, – ответил тот. – Если мистер Сэндлер вновь будет любезен и выделит нам некоторую сумму, то мы запустим Честертон через Милфорда – тот не боится брать.

Я смотрел, слушал и молчал.

– Почему Вы молчите, Джон? Я Вас не узнаю, – сказал первый гость.

– О какой сумме идёт речь? – спросил я.

– О каких-то двухстах фунтов. Это немного, если учесть, что на кону не только судьба Англии, но и наши жизни, – сказал аббат.

– Вы согласны, мистер Сэндлер? – спросил первый гость.

– Да. Но...

– Отлично. Когда мы победим, Англия будет чествовать Вас как героя. Даже несмотря на то, что Вы – иудей. Аббат Николсон заедет к Вам завтра. Уйдём по одному.

Гости ушли, а я остался под сильным впечатлением от увиденного и услышанного.

Мне показалось, что наверху скрипнула дверь. Я поднялся в спальную комнату, но все спали, а жена Сэндлера даже похрапывала, чего я раньше за ней не замечал. Я успокоился, потому что опасался, что она слышала наш разговор с тремя добрыми джентльменами.

У меня было два варианта на выбор – либо бежать куда-нибудь подальше от храпящей жены ростовщика и решительных заговорщиков, либо остаться, отдать или не отдать деньги аббату и продолжать жить спокойной и размеренной жизнью любезного мистера Сэндлера.

Но оба придуманных мною варианта требовали средств, которые этот засранец Сэндлер где-то спрятал и не хотел раскрывать мне свой тайник – от заткнулся и перестал проявляться.

А мне нужно было на что-то жить, в конце концов, как вы, наверное, понимаете, и я решил-таки искать деньги, чтобы откупиться от отважных заговорщиков – а там видно будет.

В ту же ночь увидел странный сон. Я попал в какой-то огромный и страшный крематорий. Там мёртвые тела были завёрнуты в тряпки и перевязаны верёвками. Их привозили, разгружали и отправляли в большие печи, откуда вырывалось пожирающее жёлтое пламя. Воздух до такой степени раскалился, что я не мог дышать. Весёлый истопник с лицом Каннингема, но

без парика на своей голове, закинул дрова в печь, подскочил ко мне и сказал: «А ты когда к нам? Ещё не завтракал?»

04

Я проснулся потным и без обязательной эрекции, но зато с мыслью о том, что ещё не искал деньги в печи. Я принял сон за подсказку с небес и поблагодарил добрых богов.

На завтраке я молчал и с завидным нетерпением ждал пока все свалят с долбаной кухни.

Не прошло и часа, как детей отправили-таки в школу, а жена Сэндлера тоже куда-то делась.

Я обшарил печь, но денег не было. Зато я нашёл книгу, которая была завернута в тряпку – это была учётная книга моего ростовщика.

Сэндлер умел писать, хоть и с ошибками, и детским почерком он записывал имена клиентов, а напротив них – суммы и даты.

Некоторые имена были перечёркнуты – вероятно, эти клиенты долг уже отдали.

Тут же хранились и расписки в получении ссуды.

Список клиентов Сэндлера был внушительным, а суммы, которые он давал в долг, были немалыми. Если ночные заговорщики просили всего пару сотен на подкуп какого-то государственного деятеля, то в списке встречались и четырёхзначные суммы. Этот Сэндлер знал своё дело, как его ни покрути.

Но я не отчаился и продолжил поиски денег – снова обшарил весь дом, но без ожидаемого результата.

Сэндлер просыпался и пару-тройку раз пытался мне помешать – бормотал что-то обидное и пытался сбить меня с ног, когда я поднимался по лестнице.

Но я уже научился справляться с ним – выражение «Заткнись, скотина», которое я выговаривал с особенной интонацией, было самым эффективным в общении с моим милым Кевриэ – Сэндлер тут же затыкался и успокаивался.

В расстроенных чувствах я сел за стол и принялся листать его учётную книгу – хотел найти какой-нибудь просроченный долг и потребовать деньги Сэндлера у обнаглевшего должника.

В дверь постучали, а я взял и открыл её. На пороге стоял чей-то чернокожий слуга в несурзной красной чалме и серьгами в ушах.

– Это от мистера Уотсона, – сказал он и протянул мне небольшой мешочек.

Я принял чудесную посылку, а слуга сел в дорогую карету и уехал.

В кошельке мистера Уотсона было около ста фунтов – я решил, что это долг, который вернули Сэндлеру, и подпрыгнул от удовольствия.

Я проверил свою догадку – в учётной книге я нашёл фамилию Уотсон, которую Сэндлер умудрился вывести с двумя ошибками, зачеркнул Уотсона, но сумма всё же не была достаточной для откупа от добрых заговорщиков, сами понимаете.

И тут меня осенило. Я вспомнил, что когда-то читал книгу про сыщика одного английского автора с двойной фамилией, которую я уже не помню, а приятелем того самого сыщика выступал доктор по фамилии Уотсон. В одном рассказе британца клад был спрятан в пристройке над чердаком. Я подумал, что, возможно, у англичан принято прятать клады под самой крышей и побежал вверх проверить свою чудесную версию.

И что вы думаете? Я оказался правым! На чердаке был оборудован едва заметный лаз – он был закрыт от посторонних глаз старыми и грязными тряпками. Нужно было приставить небольшую лестницу, которая стояла рядом, и залезть по ней в узкий проём. Я так и сделал, как вы, наверное, понимаете.

Наверху была крохотная ниша – перемещаться в ней можно было только стоя на коленях, а в углу стоял небольшой сундучок и был запёртым на ключ. Не нужно обладать семи пядями

на своём лбу, чтобы понять, что ключ в кармане жилета Сэндлера как раз от этого прекрасного сундука.

Полагаю, вы догадались, что было в том сундучке – он был забит монетами под самую завязку.

Я сиял от счастья – первый раз в своей жизни я почувствовал себя богатым человеком.

Это чувство тут же вскружило мою голову. Если вы когда-нибудь становились внезапным обладателем сокровищ, то вы меня поймёте.

Я перебирал монеты пальцами и представлял, как куплю себе особняк в Лондоне и проживу пять лет в роскоши. Как у меня будут чернокожие слуги с серьгами в ушах, а на обед мне будут подавать жареных фазанов под правильным соусом.

Признаюсь, даже мелькнула мысль о том, что и возвращаться в ресторан к Патриции большой необходимости нету. Но эту постыдную и глупую идею я прикончил сразу и без лишних сантиментов.

Я стал понимать клиентов Каннингема – его аттракцион, как называла бизнес моего патрона Мадам, воистину был самым лучшим – так я думал тогда.

С небес меня спустила добрая жена Сэндлера.

– Джон! – вопила она снизу.

Я поспешил взять горсть монет, рассовать их по карманам и закрыть волшебный сундучок.

Потом я слез по лестнице на чердак и ужаснулся – передо мной стояла наша с Сэндлером супруга.

– Я хочу просить тебя дать мне немного денег. Мне нужно отдать за обучение детей в синагогу, – сказала она.

– А надо платить?

Жена Сэндлера посмотрела на меня как на местного дурачка, но у неё хватило женского ума промолчать.

Я залез в карман, достал несколько фунтов и отдал симпатичной женщине, а она взяла деньги и ушла.

Скорее всего, до того дня она не знала о существовании тайной комнаты выше чердака. Но что было делать теперь?

Я решил проследить за чудесной женой, а заодно подумать как распорядиться моим сокровищем.

Жена Сэндлера быстрым шагом удалялась от дома, но в противоположном от синагоги направлении. Я начал подозревать неладное и ускорился – меня более не смущал вязкий навоз и зловонные нечистоты под ногами – я был взволнован до предела и боялся потерять милую женщину из виду.

Со мной кто-то здоровался, но я был так увлечён погоней, что не отвечал любезным прохожим.

Какой-то человек даже позвал меня издалека, но я лишь махнул ему рукой и продолжил своё преследование.

Несмотря на лёгкую полноту, жена Сэндлера бегала как нубийская газель – я едва поспевал за ней.

Через пару-тройку лондонских кварталов она свернула в подворотню, а затем исчезла за дверями какой-то каупоны.

Я зашёл в пивную напротив и сел за столик у окна. Мне принесли пинту пива в деревянной кружке, но я осушил ту кружку всего за пару глотков – то ли пиво было превосходным, то ли тревожное настроение удручало и ускоряло приятный процесс. Добрый слуга тут же принёс мне вторую кружку.

Через какое-то время из гостиницы вышла жена Сэндлера, но не одна – её спутником был тот самый молодой проситель денег, к которому следовало обращаться не иначе как «милорд».

Этот господин что-то сказал моей жене и едва заметным движением хлопнул её по толстоватой заднице. Женщина улыбнулась и поскакала прочь, а джентльмен вернулся в гостиницу.

Да, как это ни прискорбно, но приходилось признать, что нам с Сэндлером изменяли.

А этот аристократичный подлец – милорд – ещё и брал у нас деньги! Я не испытывал к жене Сэндлера нежных чувств, но меня это неприятное открытие задело-таки, как ни странно.

А тревогу сменила ярость. Представляю, каково было ростовщику! Но он не подавал вида и никак на новость не реагировал. А может, он знал, собака?

Я залпом допил своё пиво и побежал за коварной изменщицей.

Мысли об измене перемешивались со страхом потерять деньги – получалась жуткая смесь, которая побуждала меня к быстрому действию.

Но жену Сэндлера я не догнал, потому что был сбит лошадьёю и очутился, когда лежал с головой в навозе, или в каком-то другом дерьме – на улицах Лондона оно было в ассортименте.

На мгновение я потерял-таки своё сознание, но виртуозная ругань пьяного извозчика вернула меня к жизни – я не знал, что английский язык позволяет употреблять в речи такие немислимые обороты. Тот день был богат на открытия, пожалуй.

Я вскочил на ноги своего Kewrie, смахнул дерьмо с лица, оттолкнул извозчика-виртуоза и побежал домой.

Но миссис Сэндлер дома не оказалось.

Я не знал что мне делать: прихватить деньги и бежать куда-нибудь или остаться, выяснить отношения с резвой толстушкой, перепрятать клад, простить долг наглецу-милорду и развестись к чертям собачьим?

Пока я раздумывал, в дверь постучали.

– Кто там? – спросил я.

– Это я, аббат Николсон.

Я отворил дверь. Аббат вошёл и без приглашения сел за стол – англичане тогда не утруждались лишними церемониями, пожалуй.

– Мистер Сэндлер, Вы один?

Я кивнул.

– У Вас неприятности? Вы в каком-то дерьме.

– Попал под лошадь.

– Нужно быть внимательнее, мистер Сэндлер. У Вас всё готово?

Я ответил, что готово, попросил аббата подождать, а сам поднялся в потайную комнату, где стоял заветный сундучок.

Но ключа от сундука в кармане я не нашёл – видимо, он выпал в дерьмо вместе со мной, когда лошадь имела неосторожность наткнуться на меня. Эта новость вывела меня из себя.

Я спустился к аббату и сел напротив доброго священника.

– Я не могу дать Вам деньги сегодня, – сказал я.

– Я Вас не понимаю.

Я повторил.

– Мистер Сэндлер, если Вы думаете, что мы позволим Вам водить нас за носы, то ошибаетесь. Вы обещали сегодня!

– Ваши носы меня не интересуют, аббат! Но давайте всё же отложим до завтра!

– Наше дело не терпит никаких «завтра»! Англия в опасности! И мы вместе с ней! Сэндлер, нам нужны деньги!

Аббат встал на свои ноги, а я на ноги Сэндлера.

Я был на взводе – измена жены ростовщика, валяние в дерьме, потерянный ключ, аббат-вымогатель – всё это действовало самым раздражающим образом.

Я был готовым двинуть мерзавцу в сутане в его морду – мне было не до светских условностей, знаете ли, и гость как-будто это почувствовал.

– Хорошо. Я зайду завтра, – сказал аббат. – Но завтра – крайний срок!

– Да пошёл ты...! – вырвалось у меня.

И он пошёл.

А я подумал, что, возможно, не стоило быть таким резким с аббатом, которого едва знаешь. Тем более, что он представлял какую-то важную и тайную организацию, а Сэндлер был простым ростовщиком с полным сундуком денег, да к тому же евреем.

05

Вскоре вернулась миссис Сэндлер, и в отличие от меня, она пребывала в отличном настроении.

– Скоро вернутся дети – будем ужинать, – сказала она.

Я захотел успокоиться и поговорить с ней после ужина.

Но разговора у нас не получилось – в самый разгар нашей нехитрой трапезы, где-то посередине, в дверь постучали, а скорее, заколотили. Заколотилось и моё сердце.

Жена Сэндлера взяла и открыла дверь.

В дом вошли двое солдат в металлических шлемах во главе с командиром, который отличался от подчинённых широкополой шляпой с большим синим пером.

– Джон Сэндлер? – спросил военный человек.

Мне хотелось сказать правду и ответить «нет», но я почему-то выдавил «да». А может, это сам Сэндлер прохрипел?

– Именем нашего короля Карла Второго, Вы арестованы!

Я не успел возразить – меня выдернули из-за стола и потащили к двери. Я глянул на жену Сэндлера – она молчала, на меня не смотрела и вытирала грязной тряпкой чистый стол.

Мы ехали в чудесной тюремной карете красного цвета с решётками на окнах и жёсткими сидениями, на которых можно было прочувствовать каждый дорожный скрупул.

Я поинтересовался у начальника моей стражи куда меня везут, а тот усмехнулся.

– В Ньюгейт. Куда ещё вас возить, предателей Родины?! – сказал он.

Меня привезли в мрачную тюрьму с оранжевыми стенами и голубыми решётками, обыскали, сняли ремень, опустошили карманы – вытащили все деньги, но я не расстроился.

Потом мне выделили отдельную камеру – она была небольшого размера, но для Сэндлера – в самый раз.

Лунный свет, который поступал-таки через окно, позволял различать предметы, но само окно было таким мелким, что в него не пролез бы даже ребёнок.

Под окном из гнилых досок кое-как была собрана кровать, в которой нельзя было вытянуться даже маломерному Сэндлеру – ноги свешивались к каменному полу.

Солому на кровати, по-видимому, не меняли – она была смята до досок и воняла дерьмом. А рядом с кроватью стоял старый стол, на котором каждый сиделец считал своим долгом нацарапать своё доброе имя.

В углу у двери находилось ведро, куда заключённый мог справить нужду. Оно было ещё новым, но уже протекало.

Всю ночь я пролежал на кровати и думал, потому что спать, как вы, наверное, понимаете, не хотелось. Ведь ещё час назад я считал себя богатым человеком и имел чёткое намерение купить себе большой дом и слуг, а теперь моя судьба встала под большой вопрос.

Я подозревал, что мой арест как-то связан с теми тремя заговорщиками, которые просили у Сэндлера деньги. Денег я им не дал, но их заговор мог быть раскрыт, в конце концов. Тогда,

вероятно, арестуют всех. В общем, я понимал, что на усиленное питание и прочие радости счастливой жизни мне рассчитывать не приходилось.

К утру, видимо, я всё же уснул, потому что меня разбудил истошный вопль.

А потом меня привели на допрос к пузатому чиновнику – он сидел за столом и что-то ел из глиняной тарелки – по-моему, фазана. В комнате стоял дурной запах, но толстяка это не смущало ни в малейшей степени – я слышал треск за его чудесными ушами.

Я встал напротив и ждал, пока толстый человек не насытился, наконец.

Чиновник доел, срыгнул и убрал тарелку в свой стол. Затем он достал какие-то бумаги, что-то в них прочитал и посмотрел на меня уже с интересом.

– Джон Сэндлер, Вы арестованы и обвиняетесь в государственной измене, – заключил он.

Кто-то за стеной начал орать, да с такой силой, что заглушал своим криком мои мысли – они сжались в комок и застряли где-то между ушами Сэндлера. Крики были истошными – они усиливали тяжесть тюремной атмосферы.

А толстяк улыбнулся.

– Вы – уважаемый человек, мистер Сэндлер. Вас многие знают и относятся к Вам с почтением, но раз попали в Ньюгейт – не взыщите. Тем более, что Вы – еврей. Сейчас Вы увидите, что случается с теми, кто не желает сотрудничать со следствием и вешает нам на уши лапшу. Но на моих ушах лапша не держится – соскальзывает. Поэтому советую говорить правду и только правду. Возможно, это Вам зачтётся. Правда, в другом мире.

Чиновник перекрестился, а я напрягся.

Толстяк встал на свои ноги, вызвал охранника и они вдвоём повели меня по оранжевому коридору. По холодным стенам стекала чистая вода, но тюрьма, тем не менее, воняла сыростью и гнилью.

Меня привели в большой красивый зал.

На деревянной конструкции, которая напоминала ложе, но с валиками, лежал человек. Он был привязан верёвками, но я узнал-таки в нём аббата Николсона.

– Полагаю, вы знакомы, – сказал толстый тюремщик.

Аббат с ужасом посмотрел на меня.

– Я вижу его впервые! – крикнул Николсон и тут же заплакал.

– Это аббат Николсон, – сказал я.

Аббат отвернулся – вероятно, стыдился своих слёз, а толстяк рассмеялся.

– Аббат. Хе-хе! Его имя Джим Даймонд. Актёришка из театра «Голубой Глобус». Его видела Ваша жена и опознала. Хорошо, что кто-то ещё ходит по театрам! Он, так же как и Вы, обвиняется в государственной измене.

– Я ни в чём не виноват! – завопил Даймонд-Николсон.

– Это покажет следствие, – сказал толстяк. – Что за идеи созрели в ваших тупых головах? А, Даймонд? Театральные людишки обычно трусливы! Что за заговор? Кто ещё входит в вашу преступную труппу?

– Я невиновен! – повторял лже-аббат.

– Тебя видели у Сэндлера. О чём вы говорили? Кто ещё там был?

– Мы пришли попросить немного денег, и только!

– Кто? Назови долбаные имена!

– Стоун и Кейдж.

– Мистер Сэндлер, они просили у Вас деньги?

Я был в затруднении и не знал что ответить доброму тюремщику, а времени на раздумья у меня, как вы понимаете, не было.

– Да, – сказал я.

Иначе я ответить не мог. Или-таки мог?

– А что за маскарад? Почему ты наряжился аббатом, Даймонд? Не слышу!

– Так легче убедить еврея. Мы всегда так делали.

– Вы неоднократно просили у него деньги? Я правильно тебя понимаю?

– Да! Да! Да! Мы знали, что Сэндлер ненавидит короля. Мы представлялись важными людьми и просили деньги, чтобы свергнуть Его Величество. Но мы не замыслили ничего дурного! Это была игра! Спектакль! Понимаете?

– Ненавидит короля! – сказал чиновник. – Это замечательно! Вы слышали, Сэндлер? Игра, говоришь? Любишь играть? Сейчас поиграем вместе. Начинайте!

К Даймонду подошёл человек с каменным лицом – это лицо, по-видимому, было изуродовано страшным ударом и мышцы его застыли навсегда.

Каменноликий человек повернул колесо и валики под аббатом пришли в движение – крутились они в разные стороны и растягивали Даймонда как пружину. Послышался хруст, а Даймонд, по какой-то причине, орал как резаный.

Так продолжалось с минуту, пока толстяк не приказал остановить чудесную пытку. Но Даймонд продолжал-таки нарушать тюремный покой своими воплями.

– При ослаблении ему ещё больше, ничего страшного, – сказал толстяк. – Мистер Сэндлер, Вы видите? Даймонд предпочитает врать. Говорит, что не замыслил ничего плохого. Но ведь у него на роже написано, что он заговорщик.

Толстяк был прав – лицо театрального аббата искажала отвратительная гримаса и оно не внушало доверия. Но и морда толстяка просила кирпича, знаете ли.

Мы оставили беднягу Даймонда – он лишился чувств, а каменноликий человек поливал его водой.

Толстяк снова привёл меня в свой офис.

– Вы понимаете, что Ваше положение незавидное? Вы стали участником заговора против самого короля, а значит – государственным преступником.

– Но он же объяснил, что...

– То что наговорил Даймонд, не будет иметь на суде никакого значения. Есть свидетель заговора. Сегодня мы схватим ещё двоих и распутаем это скверное дело.

Толстяк сплюнул, а я молчал и старался не думать о Патриции и о фазанах.

– Ваша жена показала, что трое заговорщиков были частыми гостями в Вашем доме.

– Моя жена?

– Да, Ваша жена. Вы запрещаете молиться! Вы служите дьяволу?

– Я служу королю и Господу! – вырвалось у меня. – И в синагогу хожу каждую неделю. Я – порядочный иудей.

– Мне плевать на ваши иудейские дела! Мы опустим Вас в ледяную воду на три часа, и если останетесь живым – Вы невиновны. В обратном случае – Ваша вина будет доказана!

Простота англичан всегда меня восхищала и справедливость такого суда, конечно, не вызывала сомнений, но я не хотел искушать судьбу – я взял себя в руки и решил действовать.

– Послушайте, мистер...

– Да. Меня зовут Джонсон.

– Мистер Джонсон, давайте обойдёмся без воды. Я понимаю, что вряд ли смогу искупить вину перед королём и Господом, но я вижу в Вас человека, способного на богоугодные дела. Господь – спаситель заблудших душ. Я грешен. А моя душа блуждает во мраке дьявольского искушения.

– Продолжайте.

– Скажите мне, как христианин иудею, что я могу сделать, чтобы хоть как-то отвести от себя гнев Божий, презрение короля, и смягчить наказание? Как мне снова уверовать и стать на путь истины и благочестия?

Толстяк подошёл ко мне и посмотрел в глаза.

– Мистер Сэндлер, если бы я не служил в Ньюгейте двадцать лет, я бы плюнул Вам в лицо. Но я всякого повидал. Были тут и графы, и виконты, даже иноземные принцы. Теперь и евреи появились. Многих я лично отправлял на эшафот. Не люблю я это дело, но служба есть служба. Вы меня понимаете?

Я кивнул.

Чиновник подошёл к окну, которое было наполовину закрыто толстыми железными прутьями цвета морской волны. По стене, рядом с окном, полз большой таракан и толстяк показал на него пальцем.

– Вот, даже он больше всего ценит жизнь. Что уж говорить про людей... А тем более евреев.

Джонсон ударил по таракану кулаком и размазал насекомого своим большим пальцем.

– Мгновенная смерть – что может быть лучше? А Вас ждёт повешение, потрошение и четвертование, мистер Сэндлер. Можете гордиться – Вы будете первым иудеем, кому выпала такая честь.

Меня передёрнуло.

– Но отчего не достаточно одного повешения? К чему так усложнять?

– Оттого, что Вы не вор, и не мошенник, и даже не какой-нибудь долбаный убийца. Вы заговорщик, а следовательно – государственный изменник. Вы, евреи, вообще много себе позволяете. Предатель Кромвель позволил вам вернуться, а вы даёте под процент и строите заговоры.

Толстяк задумался.

– Честно говоря, я бы тоже давал под процент, но не могу – я христианином родился и христианином помру.

Я никогда раньше не слышал о такой чудесной казни.

– Кстати, скоро будете иметь удовольствие наблюдать это представление. По приказу короля, все обвиняемые в государственной измене присутствуют на казни своих единомышленников. Казнь двоих из них через три дня. Так что скорого суда не ждите. У Вас будет целых три дня для того, чтобы подумать как Вы сможете искупить свои грехи. Хорошенько подумать. Потом мы с Вами ещё раз встретимся и поговорим.

Меня отвели в камеру, а следующие три дня я не спал и почти не ел.

Пару-тройку раз просыпался Сэндлер – в тюрьме мне было тяжелее с ним совладать. Полагаю, это из-за нервного напряжения, или из-за чего-нибудь другого.

Я уже начал было сомневаться, что вернусь в долбаный ресторан. Скотина-толстяк поколебал мою уверенность в завтрашнем дне, если вы понимаете, о чём я.

Бесславный конец на чужбине, да ещё таким оригинальным способом! Я тогда подумал, что Патриция не увидит моего позорного провала, а я свалюсь перед ней мёртвым в ресторане – и всё! Такой исход нашей истории показался мне тогда не самым худшим, знаете ли.

06

Через три дня меня посадили в клетку, которая была закреплена на повозке.

Туда же запахнули и троих проходимцев, которые вымогали у Сэндлера деньги – Даймонда с приятелями. Они чувствовали себя не самым лучшим образом, и так же выглядели – мрачный взгляд без огонька, запекшаяся кровь на свежих ранах, изорванная в клочья одежда.

На меня они не реагировали – молчали, иногда постанывали. Вероятно, что эта экскурсия по Лондону была им в тягость.

В сопровождении двух вооружённых всадников нас повезли по городу как диких зверей.

Добрые горожане бранились и сквернословили, то и дело швыряли в нас камни, плевали или окатывали помоями.

Мальчишки лет десяти-пятнадцати устроили интересное состязание – они мочились на ходу и пытались достать нас своими струями. Надо признать, некоторым это удавалось.

В какой-то момент все эти безобразия вывели меня из себя. Но деваться было некуда, и я спросил у кучера когда мы приедем. Тот ответил, что до Тайберна рукой подать, и что дерево скоро начнёт плодоносить. Я ничего не понял, потому что название мне ни о чём не говорило, а садоводством я не интересовался.

Потом мы выехали на лондонскую окраину и остановились в какой-то чудесной деревне. – А вот и наша трёхногая кобылка, – сказал кучер.

Посреди деревни, на возвышении, стояла треугольная виселица, на которой с комфортом могли разместиться человек двадцать. Это величественное сооружение окружала толпа зевак.

Люди продолжали собираться на площади и через час яблоку было негде упасть – полагаю, сэр Исаак Ньютон провёл бы здесь своё время без пользы.

Нашу повозку подвезли к тому прекрасному «дереву» и наши охранники никого к нам уже не подпускали.

Атмосфера, надо сказать, царил весёлая и непринуждённая. Продавцы эля и булок шныряли в толпе и предлагали выпить и перекусить. Дети бегали друг за другом и прятались в подолах матерей, а мужчины что-то обсуждали и гоготали на всю округу. Англичане – шумный народ, знаете ли.

Не прошло и пары часов, как на высокий помост вышел важный человек и зачитал всем приговор. А приговорили в тот чудесный день ни много, ни мало, а дюжину преступников.

Мужчин решили наказать, в основном, за воровство, а двух женщин признали-таки добрыми ведьмами.

Приговорённых злодеев вывели из толпы – оказалось, что они всё время стояли неподалёку, но я их не замечал, потому что они не отличались от остальных зевак – им даже не связали руки.

Правда, почти все они грустили – лишь один молодой паренёк, по-моему, умалишённый, пытался шутить – я не смеялся, но публика оживилась.

Важный человек спросил у собравшихся, не желает ли кто-нибудь попробовать себя в роли палача.

Я удивился такому чудесному предложению, но желающие нашлись тут же, знаете ли.

Вышла пара-тройка мужчин, один подросток и одна женщина. Угадайте, кто была эта женщина!

Я и сам не поверил своим глазам – это была жена Сэндлера, прилежная домохозяйка, которая может вязать целыми днями и молчать, мать двоих детей, и моя жена, кстати, тоже. К счастью, детей любезного ростовщика я в толпе не заметил.

У ведущего мероприятия мужчины была нелёгкая задача – выбирать на роль палача между женщиной и подростком – мужчин он даже не рассматривал.

Ребёнок, к моему удовольствию, роли палача не получил и разревелся на всю округу, зато жена Сэндлера была в восторге.

Всё происходило как во сне. Я щипал себя и уговаривал проснуться, но я почему-то не просыпался, а шоу продолжалось.

Но проснулся Сэндлер, начал смеяться и орать, что он ни в чём не виноват. Я пытался его успокоить, но не мог.

Меня спас охранник – он с силой приложился дубиной к уху ростовщика и тот мигом заткнулся. Я же взял себя в руки и тут же вернул контроль за своим разумом.

Тем временем помощник ведущего расставил приговорённых по местам – каждый из них получил по деревянному пьедесталу со ступеньками. Они зашли на свои подставки, а ассистент связал им руки и накинул на их шеи петли.

Подоспел священник и прочитал чудесную молитву, от которой зрителей клонило в сон, а сумасшедший паренёк, уже с петлёй на шее, засмеялся, плюнул в священника, но не попал-таки.

Ведущий представления дал, наконец, команду начинать.

Последнего слова приговорённым не дали – для экономии времени, не иначе.

Миссис Сэндлер вышла под аплодисменты восторженной публики – она поклонилась зрителям и тут же выбила ногой подставку у первого мужчины с петлёй на шее. Тот повис и задёргался – вероятно, попытался задержать самый печальный момент своей жизни.

Пара волонтеров повисла на его ногах, а через минуту он перестал сопротивляться своей смерти. Когда на штанах казнённого появилось мокрое пятно, толпа взревела от счастья.

Миссис Сэндлер была великолепным палачом, скажу я вам. Она выбивала подставки, а двое уважаемых горожан повисали на ногах преступников, чтобы повеселить добрую публику.

Висельников подбадривали криками и свистом, и через полчаса вся дюжина болталась на чудесном треугольном «дереве», которое время от времени «плодоносит».

Безумный шутник, единственный из всех висельников, умер с улыбкой на лице. Всё же умирать нужно с улыбкой – и никак иначе.

Зрелище в Тайберне показалось мне тогда отвратительным и недостойным цивилизованного общества. Но с другой стороны, общество мне ничего не обещало и не было обязанным соответствовать моим юношеским идеалам. Люди есть люди, думаю я, и они всегда будут любить развлечения.

В заключении своего выступления, омерзительная миссис Сэндлер подошла к моей клетке, провела рукой по своей нежной белой шее и рассмеялась, а я промолчал и отвернулся.

Она была мне неприятна и казалась выжившей из ума – иной раз люди, в каких-нибудь чудесных обстоятельствах, раскрывают свои самые удивительные качества.

Но представление должно было продолжаться, и во втором акте публике предлагалось повешение, потрошение и четвертование.

На площадь на деревянных салазках, которые были похожи на куски плетёной изгороди, приволокли двух мужчин.

Всадники подгоняли лошадей и те несли во весь опор, а приговорённые к смерти задыхались в пыли, нечистотах и конском навозе.

У «деревя» их отвязали и помогли подняться на помост.

Затем зачитали приговор – имя одного из преступников я запомнил – Харрисон, и он был генералом.

Самообладанию Харрисона можно было позавидовать – он держался молодцом, и в отличие от висельников, ему дали возможность сказать последнее слово. И было слово. И слово это было крепким.

С вашего позволения, я не буду его цитировать, потому что оно выходит за рамки пристойности и может поколебать доверие к правдивости моего повествования.

Вероятно, Харрисон с приятелем напакостили от души, раз их признали виновными в государственной измене. Изменять государству – занятие неблагодарное и опасное для жизни. Если хочется изменить – измени супруге или своему доброму мужу, но не государству. Таков мой добрый совет.

Потом добровольные помощники развели костёр, а перед виселицей поставили деревянную скамью.

Волонтеры на роль палача на этот раз вызывать не стали – характер казни не допускал дилетантского подхода к делу. Потрошить и четвертовать – это вам не подставки ногами выбивать – тут нужна сноровка и выдержка.

На передний план вышел человек в длинном кожаном фартуке. Он был спокойным, и как будто не замечал толпы, – его движения были точными и размеренными – угадывался мастер своего дела, знаете ли.

Палач осмотрел топор и нож, а затем подал знак своим помощникам. Они сняли Харрисона с изгороди, связали ему руки и повесили рядом с казнёнными в первом акте.

Он задёргался, как и прочие до него, а толпа с восторгом наблюдала и аплодировала палачу.

Людей, вероятно, можно понять – ведь не каждый же день вешают целых генералов, да ещё с таким завидным профессионализмом.

Когда Харрисон начал терять сознание, его подхватили, перерезали веревку, раздели до нижнего белья и положили на скамью.

Генерал очнулся, а палач развязал ему руки и воткнул нож в упругое генеральское тело.

Харрисон вскрикнул, а из него полилась красная генеральская кровь.

Палач без суеты и спешки взрезал военному человеку живот и поднял окровавленный нож над своей головой. Зрители ликовали!

Но в этот самый момент, когда восторг публики достиг апогея, генерал приподнялся, что-то сказал, – вероятно, что-то обидное – я не расслышал, и с размаху заехал своей рукой палачу в ухо. Тот не ожидал нечестной игры от бывшего, но всё же военного человека, и растерялся, и даже выронил нож.

Да, Харрисон сыграл против правил, но настоящего мастера не сбить с толку, даже если действовать исподтишка, скажу я вам.

Палач схватил топор и одним ударом отсёк чудесному генералу Харрисону его голову. Это тоже было против правил, потому что, по правилам, голова освобождалась от тела лишь после изъятия внутренностей и отсеечения конечностей.

Публика, конечно, простила палачу маленькую вольность, но требовала завершения процедуры, и палач доделал работу без лишних телодвижений и ненужных слов.

Мне был симпатичен этот Харрисон – жаль, что я не был с ним знаком.

Его приятеля разделали по всем установленным правилам – придушили, затем вспороли живот, достали кишки на его глазах, отсекали сначала руки, потом ноги, а потом и голову. Его криков слышно не было – он заглушался рёвом благодарной толпы.

Внутренности казнённых изменников Отечества покидали в костёр, отчего по площади разнёсся запах горелой плоти, а отсечённые части тел рассовали по большим корзинам, погрузили на повозку и увезли.

Я вернулся в тюрьму в подавленном настроении. Мало того, что сам спектакль потряс меня и ужаснул, но мысль о том, что мне тоже придётся покинуть мир под аплодисменты ликующей толпы не давала покоя.

Пускай, думал я, будут резать не моё тело, а тело Сэндлера, и кишки полетят в огонь не мои, но всё же хотелось избежать неприятных ощущений.

Всю ночь я твердил себе, что я должен вернуться в ресторан, что я обязан это сделать во что бы то ни стало, ведь там меня ждали любимая девушка и фазан под любимым соусом. А что может быть прекраснее для молодого ещё человека?

07

Утром меня вызвал толстяк-тюремщик – он был в отличном настроении.

– Как Вам вчерашняя казнь, мистер Сэндлер?

– Мне понравилось, – сказал я.

Толстяк предложил мне сесть и выпить, а я взял и не стал отказываться, знаете ли.

– Вы, наверное, заметили, что к Вам тут отношение иное, нежели к другим изменникам?

– Моя голова пока что при мне – я всё вижу и всё слышу.

– Это прекрасно, но временно. И времени осталось не много. Вас осудят и выпотрошат, как тех двоих.

Чиновник посмотрел на меня, а я смотрел в окошко позади толстяка и молчал – собирался дождь.

– Мистер Сэндлер, Вы – человек уважаемый, и я хочу дать Вам шанс.

Шанс мне давали уже второй раз в жизни – это меня тогда позабавило.

– Что Вы предлагаете? – спросил я.
– Свободу в обмен на...
– Фунты?
– Говорите тише. Вы догадливы.
– Давайте к делу, – сказал я.
– Всё просто – Вы говорите мне где храните деньги, я их нахожу и устраиваю Вам побег. Часть денег Вы сможете забрать с собой. Уплывёте в Америку, и про Вас забудут.
Толстяк, видимо, считал меня наивным простачком, и мне это не понравилось
– Мистер Джонсон, я Вам не верю, – сказал я.
Чиновник рассердился – он встал на свои ноги и заходил по комнате, как лев по клетке.
– Не валяйте дурака! Вы же хотите жить! Вы боитесь смерти! Все боятся долбаной смерти, мистер Сэндлер. Даже я!
Толстяк перекрестился, а я усмехнулся.
– У меня другое предложение, мистер Джонсон.
Тюремщик оживился.
– Рисковать будем вместе. Вы бежите со мной. Мы забираем деньги. Я отдам Вам половину и мы расстанемся. Уплывёте в Америку, и про Вас забудут.
– Заманчиво. Но... боязно. Говорю Вам честно!
– Вам нечего бояться. Деньги возьмём вместе – сразу и поделим.
– Сколько у Вас спрятано?
– На билет до Нового Амстердама хватит.
– Шутите?
– Мистер Джонсон, клянусь всеми Святыми!
– Мистер Сэндлер, я Вам верю. Но хочу подумать. Я вызову Вас завтра утром.
Ночью я уснул-таки, потому что у меня, наконец, появился шанс на избавление от неприятной процедуры потрошения моего милого Кевриэ, а вместе с ним вернулся крепкий сон.
Утром я снова сидел перед Джонсоном, а он снова налил мне выпить и выпил сам.
– Мистер Сэндлер, у меня есть план.
Я придвинулся к толстяку поближе.
– Откладывать нельзя! Иначе могу передумать.
– Давайте скорее план!
– Сегодня ночью Вы станете свободным, а я богатым.
– Меня это устраивает.
Дальше события разворачивались стремительнее обычного – после полуночи толстяк зашёл ко мне в камеру, но не один – он притащил с собой бездыханное тело охранника.
Толстяк бросил тело на кровать и закрыл дверь.
– Чего уставился? Переодевайся! – сказал мне добрый тюремщик.
Я натянул на себя чёрную форму охранника, а шмотки Сэндлера мы кое-как напялили на усопшего мужчину.
– Будем выходить. Натяни шляпу пониже! Ничего не говори и прихрамывай на правую ногу! Вильямс хромал! Служил на флоте и ему на ногу уронили ядро, – не повезло парню! – сказал толстяк и сплюнул.
Я посочувствовал бывшему моряку и мы выдвинулись.
Джонсон закрыл мою камеру, потом он шёл первым, а я хромал позади него.
По дороге толстяк на всю тюрьму отчитывал Вильямса за какую-то провинность – я не слушал его, а думал лишь о том как бы наш план не раскрылся в самый неподходящий для этого момент.
Джонсон крикнул кому-то, чтобы тот подменил Вильямса, и мы вышли на улицу, залезли в карету, которая стояла у тюремных ворот.

– Скажи ему адрес.

Я назвал кучеру адрес и мы поехали домой к Сэндлеру.

Когда приехали, извозчика тут же отпустили.

На первом этаже, сквозь окно, был виден тусклый свет, и я постучал в дверь.

– Кто там? – спросила миссис Сэндлер.

– Твой муж. Открывай! – сказал я.

– Мой муж в Ньюгейте! И не выйдет оттуда никогда! Его выпотрошат как фазана! Проваливай, пока цел, пьяная тварь!

– Надо ломать! Нет времени на пустой трёп, – сказал Джонсон.

Мы с толстяком навалились на дверь, и хотя дверь была крепкой, но она не устояла-таки под тяжестью толстяка – после третьей попытки засов отвалился, а мы с Джонсоном ворвались в дом.

У лестницы стояли миссис Сэндлер и джентльмен с большими усами, которого наша жена называла «милордом». Они с тревогой смотрели на нас, а добрый джентльмен даже обнажил свою шпагу.

– Виконт Уизли, Вы? – спросил Джонсон.

– Джонсон? Вот так встреча! Ты почему здесь? Твоё место в тюрьме! – сказал милорд.

– Я тоже не ожидал увидеть Вас ночью в доме Сэндлера.

Я прикрыл входную дверь и ставни, чтобы наша беседа не стала поводом для лондонских сплетен.

Никто из нас четверых не знал что делать дальше, и я решил взять-таки долбаную инициативу в свои руки.

– Нам нужно кое-что. Мы его возьмём и уйдём.

– Уж не о сундуке ли говорит любезный мистер Сэндлер? О том, который стоит под самой крышей? – спросил виконт.

– О нём.

– Эта скотина думает, что ему позволят оставить детей без гроша! – выпалила миссис Сэндлер. – Хрен тебе, а не сундук! Проваливай! Оба проваливайтесь!

– Мистер Сэндлер имел удовольствие бежать из Ньюгейта? С помощью Джонсона, несомненно. Джонсон, продажная тварь, всегда готов услужить за пару фунтов, – сказал усатый аристократ.

– Сэндлер не такой жмот как ты, Уизли! Я хоть и продаюсь, но никогда не брал из казны! Я – честный человек! Я продаю свои услуги! А где деньги, которые ты себе присвоил? А? Верни деньги английскому казначейству! И голландскому тоже!

Виконт взмахнул своей шпагой, а Джонсон вытащил большой нож.

Миссис Сэндлер схватила с буфета бутылку за самое горлышко и разбила её об стол, а то, что осталось в её прелестной ручке, она направила на меня. Запахло жареным, знаете ли, хотя печь даже не затапливали.

Но тут из спальни комнаты послышались детские голоса – они звали мать.

– Разбудили-таки! Грязные ублюдки! – сказала миссис Сэндлер.

Она положила своё импровизированное оружие, которым, вероятно, собиралась распороть Сэндлеру его брюхо, на стол.

– Сейчас, мои сладкие! Я уже иду! – пропела она ангельским голосом.

Мы переглянулись, а женщина пошла на второй этаж по лестнице.

Эта толстушка была той ещё штучкой, скажу я вам! Ей богу, «в тихом омуте черти водятся» – это, пожалуй, про неё. «Пальцы в рот не клади» – тоже.

– Кончай с ними! – бросила она виконту и исчезла наверху.

Похоже, она была высокого мнения о бойцовских способностях Уизли, но он сначала замешкался, а потом всё же перешёл в наступление – рванулся в сторону Джонсона и попытался проткнуть его своей длинной шпагой.

Толстяк, хоть и казался неповоротливым, но умудрился-таки увернуться и схватить виконта за самое горло. Тот захотел вырваться, но хватка у Джонсона была железной, такой же, как аргументы Каннингема, пожалуй.

– Мистер Сэндлер, не желаете ли перерезать казнокраду глотку? – спросил толстяк.

– Пусти, скотина! – прохрипел Уизли.

– Давай свяжем его! – сказал я Джонсону.

Мы связали виконта и заткнули ему рот грязной тряпкой.

Джонсон хотел связать и миссис Сэндлер с детьми, но я отговорил его – сказал, что управимся быстрее, чем дети уснут.

Я зажёл свечу в фонаре и полез на чердак, а толстяк остался сторожить виконта Уизли.

Наверху я вспомнил, что у меня нет ключа.

Я увидел, что сундук пытались вскрыть – вокруг валялись инструменты – видимо, это Уизли проявил усердие, но замок оказался крепким, а криминальные навыки виконта оставили пожелать лучшего.

Я попытался сам взломать сундук, но меня, как и виконта, постигла неудача – надо сказать, вещица была сделана на совесть.

Возиться с ней времени не было – нужно было поскорее убираться. Оставалось только взять сундук с собой. Но он был тяжёлым и неудобным для транспортировки – я не мог спустить его вниз.

Я вернулся на первый этаж и позвал Джонсона на помощь, а толстяк взял и притащил с собой на чердак Уизли – не хотел оставлять его одного в кухне.

– От этих долбанных аристократов всего можно ожидать, – сказал он.

Джонсон встал на приставную лестницу, а я подавал ему сундук сверху. Но сундук не проходил в узкий проём и Джонсон матерился на правильном английском языке. Мы уже загодились у миссис Сэндлер и торопились закончить дело, ради которого я съехал из уютных номеров Ньюгейта.

Наконец, мы протолкнули сундук и толстяк уже держал его на своём животе.

В этот самый момент он издал гортанный звук, который я принял за победный рык. Но я ошибся, потому что из его большого рта пошла красная, как палермское вино, кровь. Зрачки Джонсона расширились и он смотрел на меня, скорее, с удивлением, чем с испугом. Я понял, что случилось какая-то непоправимая штука.

Толстяк пробормотал бессвязные слова и полетел с лестницы вместе с сундуком. Они с грохотом приземлились на пол чердака, а я осветил фонарём и увидел, что из заднего прохода толстяка торчала рукоять шпаги.

Да, пожалуй, умереть с улыбкой у Джонсона не получилось – тут уже не до улыбок, скажу я вам.

Миссис Сэндлер развязала верёвку, которой был связан Уизли – они оба были довольными собой и виконт поцеловал спасительницу в её пухлые губы. Эта трогательная сцена меня тогда удручила.

А у Джонсона кровь выливалась сразу из двух отверстий, и он уже не дышал – его грузное тело занимало чуть ли не половину чердака.

– Как мы его отсюда будем убирать? Чтобы его вынести нужна бригада! – сказал Уизли.

– Разделаем тушу и вынесем по частям! Это не проблема! – сказала миссис Сэндлер.

Она вытащила длинную шпагу из толстяка и отдала её виконту, а тот с нарочитой брезгливостью взял её в свою руку.

Затем женщина проверила сундук – он даже после падения с высоты не раскрылся.

– А вот с сундуком придётся повозиться. Ты куда дел ключ, долбаный ублюдок? – спросила она меня.

– Он в самом надёжном месте, дорогая, – сказал я. – Предлагаю договориться. Я вам – ключ, а вы мне отдаёте часть денег, и я проваливаю.

– Денег ты не получишь! Если бы ключ был у тебя, ты бы открыл сундук на месте, и не стал бы гонять жирдяя наверх понапрасну! Мы его всё равно откроем! Но ты этого уже не увидишь!

Проснулся Сэндлер, издал негромкий звук и начал стучать кулаком по полу. Я поспешил уgomонить мерзавца.

– Ты чего там мычишь? Спускайся и подставляй зад – шпага войдёт как по маслу! – сказала миссис Сэндлер.

Они с виконтом посмеялись, но мне было не до смеха, потому что я не хотел быть нанизанным как канапе на шпажку – полагаю, вы меня понимаете.

Но и вступать в схватку сразу с двумя противниками, один из которых был вооружённым шпагой, а другой страдал решительным безумием, я не хотел.

– Пойду проверю детей. Жирная скотина могла своим грохотом опять их разбудить! А ты не своди с Сэндлера глаз! Сдадим его тёпленьким – вознаграждение получим! За живого больше дадут! Если будет пытаться сбежать – замочи долбаного ублюдка! – сказала супруга ростовщика и удалилась.

А я снова решил действовать.

– Виконт, Вы понимаете, что она не оставит Вас в живых? Она безумна! Это дьявол в женском платье! Уж я-то знаю! Вы видели, что она сделала с Джонсоном? Хотите быть следующим?

– Следующим будешь ты, Сэндлер! У тебя нет шансов! Будешь либо выпотрошенным в Тайберне, либо закончишь свою жалкую жизнь здесь, у себя дома. Дома умирать приятнее, Сэндлер. Спускайся! Я помогу тебе увидеться с Господом!

– Она убьёт Вас, Узли. Вы не получите ни пенни! Клянусь Вам!

– Она любит меня, Сэндлер. А тебя ненавидит. Я получу эти долбанные деньги!

– Любит? Любит, Вы говорите? А разве может любить существо, которое втыкает в задницы шпаги? Она безумна, Узли! Она не способна любить! Вы нужны ей только как исполнитель её дьявольских планов! Если она получит мои деньги, она от Вас избавится – не сомневайтесь!

Я заметил, что вера виконта в безграничную любовь миссис Сэндлер поколебалась. Полагаю, картина со шпагой в чьей-то заднице любого заставит засомневаться.

– Ключ у меня. Я не говорил об этом Джонсону, потому что не верил ему. Я готов Вам его отдать в обмен на свою свободу. Мне даже не нужны деньги. Вы откроете сундук втайне от этой... женщины и унесёте все деньги. Все! Вы слышите? Соглашайтесь, пока она не вернулась, виконт!

– Где ключ?

– В моём кармане. Я взял его из тайника в столовой, пока Вы с Джонсоном предавались воспоминаниям.

– Покажи его!

– Сначала дайте мне спуститься!

– Спускайся, только быстро!

Я спустился.

– Давай ключ! – сказал Узли и приставил к моей шее испачканную красной кровью толстяка шпагу.

Думаю, виконт не убивал меня, потому что надеялся получить не только ключ, но и вознаграждение за пойманного беглеца. Таким вот хитрецом был виконт Узли!

Я сунул руку в карман, а сам осмотрелся – бежать можно было только по лестнице на второй этаж или через небольшое чердачное окошко. Но оно было крохотным и я не был уверенным, что пролезу в него.

Оставался лишь вариант с побегом вниз, и я приготовился к опасной встрече с доброй миссис Сэндлер.

Но, как только я приготовился дать виконту в морду и нырять с чердака к спальню комнате, в чердачном люке появилась голова миссис Сэндлер – женщина без шума пробиралась к нам на чердак, а Уизли её не видел – он стоял спиной к люку.

Почему она старалась быть незаметной для Уизли? Неужели она слышала наш разговор и решила отомстить любовнику – сунуть ему нож в спину, придушить, или перерезать горло куском стекла?

По правде говоря, у меня тогда не было времени на анализ мотивов безумной суки – мне нужно было спастись, и я в третий раз решил действовать.

– Вот ключ, виконт. Мы можем задушить её подушкой. Решат, что она сдохла во сне, – сказал я.

– Что ты несёшь, Сэндлер?

– Милорд, лучше всего избавиться от неё сейчас! Потом будет поздно!

– От кого избавиться? – спросила жена Сэндлера.

Уизли вздрогнул и обернулся и глаза их, вероятно, встретились.

У меня мелькнула здравая и своевременная мысль «Сейчас или никогда».

Я воспользовался эффектной паузой и с силой толкнул виконта на молодую ещё женщину, а через мгновение я уже вылезал из чердачного окошка – я сделал-таки невозможное и кое-как пролез в спасительную щель.

Когда желание спастись превосходит все остальные желания, человек способен даже на то, на что он не способен, скажу я вам.

Я оказался на крыше и тут же побежал куда глаза глядели.

Лунный свет освещал мне путь, а позади был слышен чудесный голос Уизли.

– Я всё равно доберусь до тебя, Сэндлер! Ты меня разозлил, иудейская рожа! – кричал виконт в небольшое окошко.

Но Лондон спал, и ему было плевать и на Уизли, и на меня, пожалуй.

В суматохе борьбы за наследство Сэндлера я потерял свою тюремную шляпу, а ночью были заморозки – осенняя прохлада пробирала до самых костей.

Я перебежал по крышам с одного дома на другой и мысль о скором спасении единственная согревала меня. Ну и ещё тёплый плащ тюремщика, не иначе.

Возможно, меня уже начали искать, и если бы нашли, то потрошение с четвертованием было гарантировано мне английской короной.

К измене добавились бы побег и двойное убийство – полагаю, миссис Сэндлер с виконтом тоже могли догадаться повесить беднягу Джонсона на меня.

Положение было сложным, но не безвыходным.

Я бежал по лондонским крышам и думал о Патриции и фазанах – это придавало мне сил, знаете ли.

Через какое-то время я решил спускаться с крыш на британскую землю.

Я заметил подходящее чердачное окно, в которое могло протиснуться небольшое тело ростовщика Сэндлера.

Я с осторожностью выломал раму и уже просунул свою ногу в окно.

– Эй ты, долбаный мудень, слезай!

Кричали снизу, и в темноте я заметил силуэты двух всадников.

– Сейчас пальну, тварь! Отстрелю тебе колокола! Будь уверен, стреляю я метко!

Меня, вероятно, приняли за воришку, но я решил не сдаваться, потому что терять мне было нечего, как вы, наверное, понимаете.

– Стреляй, скотина! – крикнул я и сунул в окно свою вторую ногу.

Незнакомец сдержал своё обещание и пальнул-таки из своего пистолета – пуля просвистела у моего уха, и если бы я не потерял шляпу у Сэндлера, то всё равно её снесло бы пулей и я бы её потерял – как пить выдать.

А пуля ударилась о крышу, отскочила мне в сапог и пробила его, но нога Сэндлера, к счастью, осталась целой.

Я крикнул стрелку что-то обидное – не помню что, но всадник поклялся откусить мне голову, или что-то в этом роде.

Медлить было нельзя и я пролез-таки в окно.

Двигаться пришлось на ощупь и в темноте я нашёл какую-то палку и зажал её в руке – приготовился к встрече с гостеприимными хозяевами того дома.

У меня не было чёткого плана и я решил идти напролом.

Шаг за шагом я продвигался вперёд, пока не упёрся в стену, но нащупал лестницу, которая находилась в шаге от меня.

Я полез по ней, но как только я спустился на этаж, чьи-то крепкие руки схватили меня за грудки, приподняли и прижали к стене. Но лица злодея видно не было.

– Ты кто? – спросил незнакомец.

Голос был низким и хриплым. Я почувствовал запах многодневного перегара вперемешку с чесноком. Этот микс не пришёлся мне по вкусу – захотелось нахамить.

– Император Август, – ответил я.

Глупая шутка понравилась перегарному человеку, он усмехнулся и отпустил хватку.

– Хе-хе... Август, – сказал человек.

В дверь заколотили – с улицы солдаты кричали, что в доме вор и требовали открыть им дверь.

– Хэнкс, что будем делать? – спросил кого-то перегарный человек.

– Открывать! Иди сюда! – ответили снизу.

Незнакомец меня отпустил.

– Не уходи, Август, не надо, – сказал он мне и хлопнул по плечу.

Послышались тяжёлые шаги по лестнице.

Я не понимал в чём дело, но решил-таки остаться.

Внизу открыли дверь. Послышалась возня и ругань.

– Иди сюда! Август! – сказал мне тот же человек.

Я спустился на первый этаж – там горел свечной фонарик, и я увидел четырёх людей. Двое из них лежали на животах, а двое сидели на лежащих и держали им руки за спиной. Те, что лежали – постанывали, угрожали и требовали отпустить их.

– Вас повесят! Повесят! Мы – представители королевской власти! Отпустите или... – говорил один из поверженных мужчин.

– Много болтаешь! – сказал тот, что сидел сверху, хриплым низким голосом и отвесил балаболу крепкий подзатыльник.

Затем он заткнул «представительский» рот обычной тряпкой, которую достал из своего кармана. Второй «представитель» предпочитал молчать, но его рот тоже перетянули ремнём, на всякий случай.

– Держи! – сказал мне перегарный человек.

Я подчинился и сменил того парня – сел на человека с кляпом и схватил его за руки.

А незнакомец встал на свои ноги и достал большой нож.

Надо сказать, незнакомцем был здоровенный детина с широкими плечами и кулаками величиной с голову Сэндлера.

- Будем их кончать!
- Не нужно, Том. Не бери грех на душу, – сказал его приятель.
- Чёрт, Хэнкс! Зачем?
- Если можешь не убивать – не убивай! Свяжем их и уйдём!
- Твоя мягкотелость приведёт нас на виселицу быстрее, чем наши богоугодные дела,

Хэнкс!

Тот, кого называли Хэнксом, вытащил из-за пазухи пару верёвок и бросил одну мне.

– Вяжи!

Я связал человека, то же самое сделал и Хэнкс. Здоровяк нам не стал помогать, а принялся глядеть в окно.

– Надо сваливать, – сказал он. – Долго возимся. А что с этим?

Он показал на меня.

– Возьмём с собой, – ответил Хэнкс.

Здоровяк на этот раз не протестовал, и меня это устраивало, знаете ли.

Мы оставили связанных на полу солдат, собрали вещи в мешки и ушли восвояси.

Так я познакомился со лондонским преступным миром в лице двух самых замечательных его представителей.

08

Хэнкс был главарём шайки воров и грабителей, которая промышляла в Лондоне и его окрестностях. Меня мои новые знакомые, видимо, тоже приняли за уголовника.

Я обрадовался этому, потому что мне нужно было как-то выживать – у меня не было денег, не было крыши над головой, и я был беглым заключённым, которого должны были приговорить к потрошению.

Пришло время осваивать новую профессию, знаете ли.

Парни привели меня к какому-то полу-заброшенному, но крепкому деревянному дому на самой окраине города.

Хэнкс постучал в дверь.

– Кто? – поинтересовались изнутри.

– Божьи люди, – ответил Хэнкс.

Нас тут же впустили.

Большое помещение освещалось множеством свечей – здесь свечей не жалели, не иначе.

Посередине атриума стояли большой круглый стол и стулья.

В доме поддерживалась чистота – это бросалось в глаза и удивляло – честно сказать, я не ожидал увидеть в бандитском логове такой порядок.

В большом камине потрескивала ольха и воздух был ароматным и тёплым.

Я увидел женщину лет сорока – она поздоровалась со мной и поцеловала Хэнкса.

– Это моя жена Дороти, – сказал он.

– Джузи, принимай товар! – крикнул здоровяк Том.

Сверху спустился черноволосый носатый мужчина.

– Ну, что у нас сегодня? – спросил он.

– Да так, мелочёвка. На конфеты малолетке. А это – Август, – сказал Том и показал на меня.

Джузи посмотрел на меня с подозрением, и ничего не сказал. Он взял мешки и куда-то утащил.

– А что у нас сегодня на завтрак, Дороти? Чертовски хочу жрать! – сказал Том.

– Не жрать, а есть, – сказала Дороти. – Долбанных перепелов нажарили. Правда, половину малолетка сожгла, но тебе будет в самый раз.

– Да я любых употреблю! Перепелов обожаю! Вот только мелкие они, собаки!

Перепела считаются деликатесом в те времена. Не фазаны, конечно, но если подавать с правильным соусом, то сойдут и они. В особенности, если вы не ели шесть дней.

Дороти накрыла на стол и пригласила всех садиться.

Хэнкс сел и предложил мне сесть рядом с ним.

– Зови малолетку. И Финча. Он опять на горшке? – спросил он Дороти.

– А где ему ещё быть? Финч, давай уже выкатывайся! Хэнкс недоволен! Тина! Спускайся завтракать! Хэнкс с Томом вернулись!

Из сортира выкатился человек – да-да, выкатился на деревянной тележке на четырёх колёсиках – у него не было ног по самый пояс. Том поднял его на высокий стул, чтобы безногий мог дотянуться до еды.

Со второго этажа спустилась сонная девочка с грязными светлыми волосами. На вид ей было не больше пятнадцати, она была невысокого роста и такой же щуплой, как Якоб Гроот.

Все сели за стол, помолились и встретили рассвет.

– Налетай! – сказал Хэнкс.

Все взяли по три птички тушки, а здоровенный Том взял пять. Затем он разлил всем джин, и хотя я не имел привычки выпивать в такой ранний час, но отказываться тоже не хотел.

Мы выпили – джин показался мне вкуснее всего на свете, если не считать фазанов, конечно.

– А теперь можно и познакомиться, – сказал Хэнкс.

Все посмотрели на меня.

– Расскажи о себе. Только правду. Иначе Том придушит тебя и утопит в пруду.

Том кивнул.

– Как тебя зовут? Откуда? – спросил Хэнкс.

Я не знал, что рассказывать о себе добрым людям – я решил выдумать свою биографию и назваться другим именем – начать новую жизнь, так сказать.

– Я – Бивис из Хайленда, – сказал я.

– Шотландец?

– Да, пожалуй.

– Решил пощипать жирных лондонских цыплят? Неплохая идея. Но дело в том, что эти цыплята наши. Ошибся ты, Бивис. Да и костюм тюремщика тебе не слишком идёт. Где взял? Если соврёшь – пощады от Тома не жди.

– Одолжил у одного парня. Мир его праху!

Я перекрестился, Хэнкс тоже.

Хэнксу было за сорок и он был самым старшим в банде. Главарь был невысоким, но коренастым мужчиной, голова его наполовину поседела, а глаза почему-то были печальными даже тогда, когда он смеялся.

– Мы тебе доверились, Бивис, и предлагаем тебе ошипывать фазанов вместе с нами. У нас одно место неожиданно стало вакантным – бедняга МакКинли покинул нас.

Все перекрестились.

– МакКинли – дурак, – сказал безногий. – Я ему сколько раз говорил, чтоб не лез на рожон! Послушал бы – не болтался бы сейчас как кусок дерьма в Тайберне.

– Ладно, Финч. С каждым может случиться.

– С каждым – да не с каждым! Чёрта с два я буду болтаться как МакКинли!

– Так тебя и вешать не станут – не удобно с безногим конопатиться. Пожалеют калеку – выпотрошат – да и дело с концом! – сказал здоровяк.

Бандиты засмеялись. Все, кроме Финча.

– Ты, Том, тоже дурак. Повесят тебя, деревянного. Не сомневайся!

– Хватит! – сказал Хэнкс. – Давайте-ка лучше выпьем за нашего брата из Хайленда!

– Хэнкс, – сказала Дороти, – а ты на руки-то его посмотри! Как он такими руками работать будет?

– В самом деле, Бивис. Руки-то у тебя какие-то... нежные. Сможешь ими работу делать?

– У вас тоже руки не похожи на пезантские, – сказал я.

Бандиты посмеялись.

– А ну-ка дай кулак! – сказал здоровяк, перегнулся через стол и протянул мне свою руку. Я вложил свой кулак в его огромную ладонь. Он сжал кулак с такой силой, что от боли я едва не вскрикнул, но удержался и терпел, а все остальные наблюдали за мной.

Через минуту-другую Том отпустил мою руку.

– Пойдёт, – сказал он.

Я выдохнул, все выпили, и я захмелел.

Проснулся Сэндлер – стал что-то бормотать и требовать добавки, а я не смог с ним справиться и выпил ещё.

– А теперь я представлю нашу скромную компанию, – сказал Хэнкс.

Он показал на Тома.

– Это «деревянный» Том. Почему «деревянный»? Потому, что ему всё ни по чём!

– Да дурак он! Потому и «деревянный»! – вставил безногий.

– Я сейчас тебе и руки поотрываю! – сказал Том.

– Это калека Финч, – сказал Хэнкс. – Славный малый. Служил боцманом в королевском флоте. Там ему ноги-то канатом и срезало. Правда, Финч?

Безногий кивнул и выпил.

– Мы его в работу редко берём. Куда с ним, с калекой? Но как кучер он превосходен! Скоро будет работа для тебя, Финч.

Калека засиял.

– Без нас пропадёт. А это Джузи! Итальяшка.

Хэнкс показал на носатого брюнета.

– Меня зовут Джузеппе, – сказал итальянец.

– Сбывает наши трофеи. Джузи, если опять такую хреновую цену будут за товар давать, посылай к долбаным чертям – найдём других барыг! Ты понял? Я шкуркой за три пенса рисковать не намерен!

– И не надо за три пенса. За тебя сто фунтов дают! – сказал Джузи.

– Чего? Что ты мелешь?

Джузеппе встал, взял какой-то лист бумаги и подошёл с ним к Хэнксу.

– Смотри! Это я снял вчера у церкви, – сказал он.

На плакате было написано, что разыскивается Хэнкс и его банда. За голову главаря обещали сотню фунтов, а за любого члена банды по двадцать. К тексту прилагался и портрет Хэнкса.

– Это я? Разве у меня такой нос? И волосы у меня пока ещё есть! Уже и нарисовать не могут прилично! А вы по двадцатке в прејскуранте!

– Нос похож, – сказал Том. – Но двадцать – это унижительно. Лично меня это унижает! Это потому что трупов почти нет!

– Это МакКинли сдал, скотина! – заявил Финч. – Я всегда ему не доверял!

– Ну хватит! – сказал Хэнкс. – О покойниках либо хорошо, либо ничего! Даже если покойник – МакКинли. Упокой, Господи, его душу!

Главарь перекрестился, и я с ним.

Хэнксу это понравилось и он налил нам ещё джина.

– Дороти я тебе уже показывал. Мы с ней лет десять вместе. А это Тина-малолетка.

Хэнкс показал на светловолосую девочку. Она молчала, смотрела на меня и жевала перепелиное крыло.

– Говорит, что ей уже двадцать – мы ей не верим. Но зато кошелек достанет у любого – и рта не успеешь раскрыть. Талант!

Девочка не отрывалась от перепела и меня – я ей приглянулся, видать.

Потом начали пить, но и есть не прекращали.

Хэнкс придвинулся ко мне.

– Вот что я тебе скажу, Бивис, – покажи себя в деле и тогда будешь с нами навсегда. Мы своих не бросаем! – сказал он.

Я пообещал показать себя, и за это пришлось ещё раз выпить.

«Деревянный» Том достал откуда-то волюнку и предложил мне сыграть.

– На, шотландец, играй! А мы станцуем.

Я отказался, потому что не умел. Тогда он сунул волюнку калеке – тот заиграл и начались танцы.

Я танцевал в паре с Тиной – она всё время выбирала меня, а я не мог отказать, знаете ли.

Я не помнил чем закончился наш завтрак, но проснулся я вечером на втором этаже и в обнимку с худой девицей. Мне кажется, она не обманывала про свой возраст.

Вечером сели ужинать. Перед этим меня переодели в простую одежду, какую носили местные ремесленники, торговцы и прочие плебеи.

На ужин Дороти сварила овсяную кашу и бросила в котёл мину масла. Все чувствовали тяжесть прошедшего дня и выглядели уставшими, но каша пошла «на ура».

– Братья и сёстры! – сказал Хэнкс. – Скоро нам всем придётся изрядно потрудиться. Старина Брикс позаботился о нас и подкинул работёнку. Не скрою, это будет наше самое опасное дело за последние годы. Но оно того стоит.

– Что за дело, Хэнкс? Сколько я получу? – спросил Том.

– Это большой куш – все останутся довольны.

– И меня возьмёшь? – спросил безногий.

– Куда уж нам без тебя? Пойдут все, и женщины тоже!

– А Бивис?

– Он пойдёт в первую очередь. Не знаю как вы, а я хочу посмотреть из чего он сделан.

– Из мяса, Хэнкс! И костей! Как все! – сказал «деревянный» Том.

– Не все – МакКинли был из дерьма! – вставил калека.

– На что он способен, – исправился Хэнкс. – Через три дня будут перевозить флотское жалование из Лондона в Бристоль. Полагаю, королевский флот сможет без него обойтись. Он же королевский, а не какой-нибудь там!

– О! Да это долбаное состояние! – сказал Том и потёр руки.

– Это виселица! – сказал безногий.

– Заткнись, Финч! – сказала Дороти.

Калека так и сделал.

– Брикс хочет пятую часть, – сказал Хэнкс.

– В прошлый раз по его наводке почти ничего не взяли, – сказала Дороти.

– МакКинли взяли! И повесили! Долбаные свиньи! – сказал «деревянный» Том. – Хватит Бриксу десятины!

– Кто «за»? – спросил Хэнкс.

Все подняли руки, даже Тина вытянула свою худую ручонку. Я тоже проголосовал, хотя понятия не имел кто такой Брикс. В любом случае, десятая часть – лучше, чем ничего. Так я думал.

Следующие два дня мы потратили на составление и обсуждение плана предстоящего ограбления. Ну и пили джин, разумеется.

За день до дела Хэнкс запретил джин, а Тина ко мне охладела. Но её заставили вымыть волосы, наконец, и причесаться.

Дороти достала чистое платье.

– Иди сюда, сучка! – сказала она Тине.

Тина подошла, но с неохотой.

– Надень!

«Малолетка» надела новое платье и похорошела. Думаю, она была симпатичной девчонкой.

Дороти относилась к Тине с брезгливостью и неприязнью – в отличие от «малолетки», она была опрятной и ухоженной, да и опытнее, потому что старше в два раза. Иначе как «сучка» Тину она не называла. Может, завидовала её «малолетству» и коже без морщин, а может знала, что Тина положила свой глаз на Хэнкса. Думаю, и то, и другое.

«Деревянный» Том был недоволен запретом на джин.

– Я без джина не чувствую вдохновения! Без джина провалим дело! У меня портится настроение! – возмутился Том.

Потом он подошёл ко мне.

– А эта дура-малолетка влюблена в Хэнкса. Всё ждёт, что он её приревнует к кому-нибудь. Всем здесь уже отдалась, кроме Хэнкса. Даже долбаному безногую! А Хэнкс её не хочет!

Я промолчал, но мне стала понятной причина интереса Тины ко мне и причина его же скорого угасания.

На дело выехали ранним утром. У нас была карета – на место кучера Том закинул калеку Финча и сел с ним рядом, а остальные разместились внутри.

Мне выдали нож и шпагу, как и итальянцу. Я не владел оружием, но отказываться не стал – всё-таки проделать в теле противника дыру шпагой или воткнуть в него нож было делом менее хлопотным, чем тесный контакт с элементами борьбы, взаимным удушением, выдавливанием глаз и прочим рукоблудием. Так мне казалось.

Помимо шпаг и кинжалов, у Хэнкса и «деревянного» Тома были пистолеты, а женщины получили по небольшому ножу.

Ехали молча, а когда выезжали из города я увидел в окне голову генерала Харрисона – она была нанизана на длинный шест и радовала проезжающих британцев. На других шестах поменьше были развешаны остальные части тела казнённого, а останки его приятеля выставились тут же, но по другую сторону дороги.

Картина была невесёлой и, конечно же, не поднимала настроения грабителям. Я тоже был подавлен, знаете ли.

Через какое-то время карета остановилась.

– Выходи! Приехали! – скомандовал Том и стукнул рукой по крыше.

Мы вышли.

Просёлочная дорога была извилистой и шла мимо леса. Она была размыта дождём, что затрудняло всякое движение. Это было странным – я думал, что деньги в Британии возят по хвалёным римским дорогам. Вдалеке виднелась деревня.

– Финч, спрячь карету за поворотом! Появишься только когда услышишь свист «деревянного» Тома!

– Том хоть и дурак, но свистит он громко! – ответил безногий и стегнул лошадей кнутом.

– Здесь они увязнут – к бабкам не ходи! Удача сегодня на нашей стороне! – сказал Хэнкс.

Мы с Хэнксом спрятались с одной стороны дороги, а Джузи с Томом залегли с другой.

Тина с Дороти сели на заваленное дерево, за которым лежали мы с Хэнксом.

Появилось солнце и стало как-то веселее ждать.

Прошёл час. Потом другой. За это время проехала пара-тройка крестьянских повозок, одна почтовая, карета какого-то бородатого богача.

Мы наблюдали как они вязли в грязи и вытаскивали друг друга из лужи.

А потом мы заскучали, а я даже вздремнул.

Хэнкс ткнул меня в бок.

– Едут! – сказал он.

Из-за поворота показался большой экипаж, который был запряжён двумя тяжеловозами, в сопровождении четырёх вооружённых всадников.

На козлах рядом с кучером сидел солдат с ружьём и в железном шлеме.

Я насчитал пятерых охранников. С кучером их было шестеро. Хотя, в карете тоже, наверняка, кто-то был. У всех, кроме кучера, были пистолеты и шпаги.

Как и напрозорчил старина Хэнкс, долгожданный экипаж завяз в грязной жиже. Из кареты высунулась большая голова в шляпе с жёлтым пером и выругалась – это была голова начальника той опасной экспедиции.

Начальник приказал всадникам спешиться и толкать экипаж, но сам из кареты не вышел.

Солдаты подчинились командиру и пристроились позади его кареты.

Хэнкс шлёпнул своей рукой по заднице Дороти. Она встала и стянула Тину с бревна, на котором они сидели.

Женщины подошли к дороге.

– Эй парни! Девочку не желаете? Недорого! – сказала Дороти.

Голова начальника обратила на женщин своё внимание, а солдаты вышли из-за кареты.

– Сколько? – спросил один из них.

– Всего по три пенса с носа. Утренний тариф.

– В Лондоне утром – по два.

– Эта с гарантией. Твой хоботок останется цел! И у неё чистые волосы!

Дороти схватила Тину за волосы.

– Посмотри, как блестят на солнце!

В разговор встрял начальник экспедиции.

– Тащите карету! Нет времени торговаться! Нас ждут в долбаном Бристоле!

– Капитан, в два счёта управимся! Отстреляемся – и в путь! Скажем, что завязли в дерьме по самые ноздри. Дороги в Англии ни к чёрту! Пускай дороги сначала сделают, а потом предьявляют! – сказал солдат.

Капитан посмотрел на Тину.

– Худая какая-то, – сказал он.

– Зато чистая! – сказал солдат.

– Тогда я первый. От вас, мерзавцев, всего можно ожидать!

Добрый начальник вылез из экипажа и с трудом протащил своё жирное тело через грязное месиво.

Он подошёл к женщинам, взял Тину за плечо и повёл в кусты. Солдаты спорили кому быть вторым, а мы приготовились.

Дороти пролезла поближе к экипажу и о чём-то заговорила с кучером.

Кусты зашевелились, послышался громкий вздох, а потом стон, и появился капитан – он качался и выпучил глаза как сицилийский краб. Обеими руками начальник зажимал своё междуножие, а руки его были в красной крови – она ручьём сливалась с паха на землю. Солдаты перестали галдеть и наблюдали необычную картину.

– Отрезала, сука, – протянул капитан фальцетом и рухнул на свой шаровидный живот.

Из спины капитана торчал небольшой нож.

– Хорошая работа, – сказал Хэнкс.

Он прицелился и выстрелил в одного из солдат. Тот вскрикнул и свалился в лужу. Тут же выстрелил и «деревянный» Том, и второй солдат упал на колени.

Мы с Хэнксом вскочили и быстрым шагом направились к экипажу. Дороти схватила кучера за его рукав и стащила с кареты – он влетел головой в грязь.

Солдат с ружьём прицелился в Хэнкса, но боевая женщина заскочила на подножку повозки и двинула по ружью своей нежной ручкой – пуля вошла лошади в зад. Скотина начала бить копытом по карете и ржать, как конь.

А меткий солдат прыгнул на дорогу – я хотел проткнуть его своей шпагой, но Хэнкс опередил меня – он одним ударом сбил военного человека с его ног.

Двое оставшихся солдат успели обнажить шпаги и схлестнулись с Томом и Джузи. Итальянец фехтовал с лёгкостью и особым изяществом – он как будто играл со своим противником. Английские итальянцы ничуть не хуже итальянских, скажу я вам. И ничуть не уступают им в изящных манерах и прочих искусствах, кто бы что ни говорил!

Том выбил-таки шпагу у своего оппонента, но в левой руке у солдата оставался кинжал, и солдат поднял свои руки.

– Хе-хе. Со мной этот номер не пройдёт! Сейчас отправишься к праотцам! – сказал Том и замахнулся так, чтобы проткнуть солдата насквозь.

– Том! Не надо! – крикнул Хэнкс.

Том обернулся.

– Хэнкс! Опять? Почему? – сказал он.

В этот момент солдат взял и саданул кинжалом в шею «деревянного» Тома. Том одной своей рукой схватился за свою шею, а другой схватил за шею солдата. Он сжал свои пальцы и солдат задёргался как висельник в Тайберне. Кинжалом он пытался ранить Тома ещё раз, но не дотягивался, и его удары были всё слабее и слабее. Из раны Тома вытекала красная кровь, но он-таки задушил мерзавца. Но и сам свалился рядом с бездыханным телом солдата.

Поединок Джузи тут же закончился – его противник бросил своё оружие и побежал в лес.

– Я догоню! – крикнул я и бросился за беглецом.

Вскоре я настиг солдата, – полагаю, потому что Сэндлер бегал быстрее военных людей, – и свалил его с ног.

– Не убивай! – попросил он.

Это был молодой парень – ровесник Якоба Гроота, не иначе. Но мне тогда было жаль «деревянного» Тома, и я в сердцах проткнул беднягу шпагой – она вошла в молодое тело как в пуховую подушку. Солдат испустил дух не сразу – мне пришлось проткнуть его ещё раз, но уже не со злости, и не для мести, а из гуманности.

Иначе я поступить тогда не мог. Или-таки мог?

Я вернулся к луже – опечатанные мешки с деньгами мои новые друзья уже перегружали в нашу карету. Мешки были небольшими, но их было около дюжины.

– Давай погрузим Тома! – сказал мне Хэнкс.

Том ещё был жив – хоть женщины перевязали ему рану тряпками, но он бредил и кого-то звал. Мы погрузили его в нашу карету, а раненую лошадь Хэнкс зарезал, потому что сердобольные женщины не могли смотреть на её мучения.

Оставшегося живым солдата и кучера связали и оставили на дороге. Хоть Дороти просила Хэнкса отомстить за Тома и убить пленных, он не стал этого делать, и не позволил сделать этого другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.